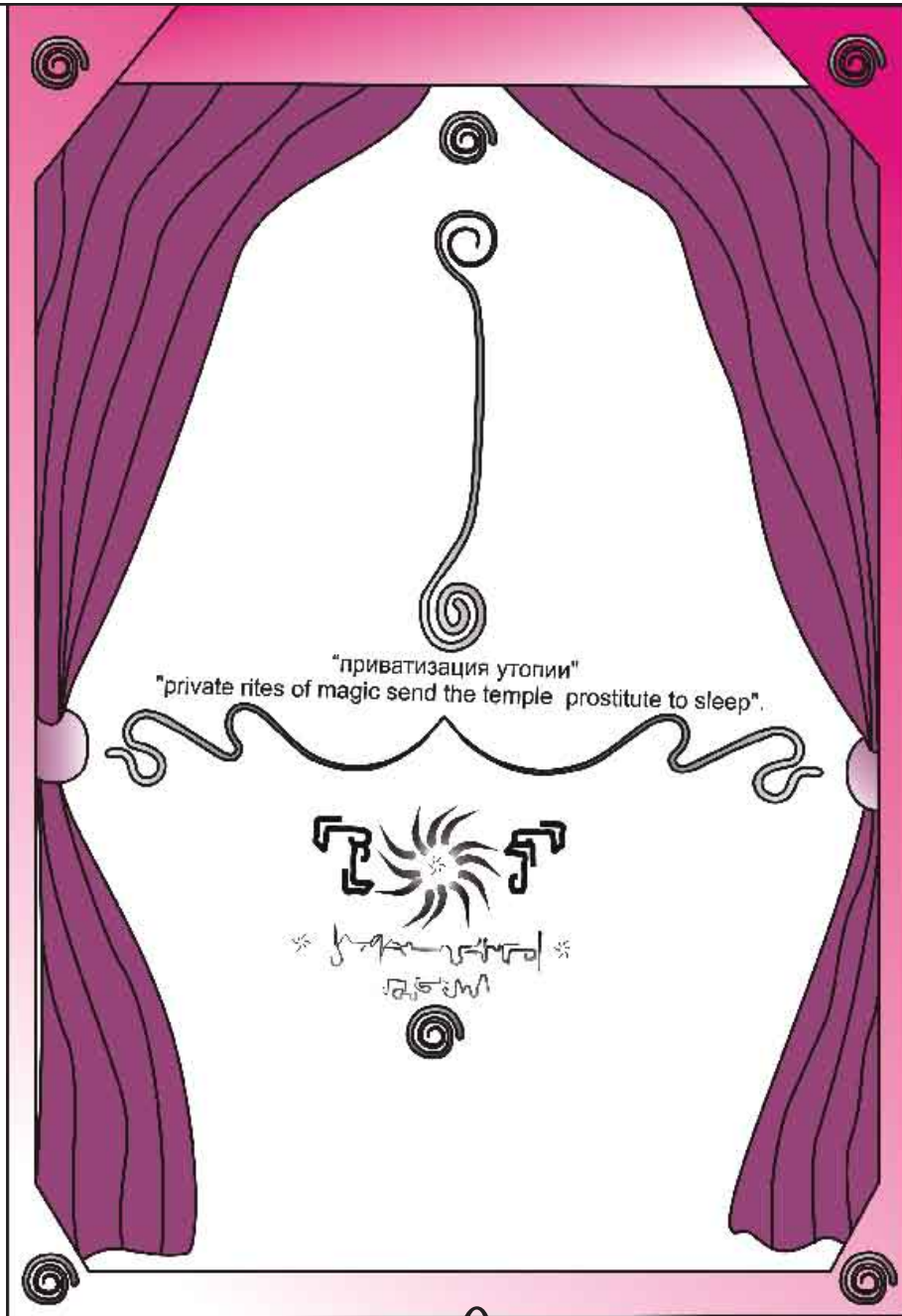

text: STANISLAV D*OROSHENKOV-STRELETSKY

WAY of LIFE 2
2007

Станислав Дорошенко

Я и Ноги

“У меня замечательные ноги, но все-таки мир и меня обидел! Да, мне себя жалко. Я очень добрый и хороший человек, страдающий аритмиями сердца и никогда ничего не нарушивший. Если я тронул кого-то пальцем, только от того, что тот подошел слишком близко ко мне. Я надеюсь, что преподаю ему хороший урок, ибо теперь он будет знать свое место. Естественно, привлеченный к судебной ответственности, я просил Бога помочь мне забыть мое преступление, но оно было неизгладимо. У меня очень красивые красные глаза. У меня живительный рот. Как можно думать, что он способен на неправду. Вернее, мой рот, наверное, и способен на неправду, но не я, потому что моя душа - фигура честности и дух ее опечален глубокими неправдами этого мира! Я же не рот! И я так благородно сижу на лошади, если бы меня видела моя мама то была удивлена премного. Мне нравится слово “я” - он короткое, короче, чем “ил” или “ас” или “уд” или “ню”, но в нем такая мощная зарядка! Когда я говорю “я”, я всегда думаю о себе! И,

Боже, как мне довольно слышать мои мысли о себе! Я думаю “в позитиве”. Богатством не купишь хорошее настроение, он либо есть, либо нет. И вот сегодня, встав с дурной ноги, я смотрю на них думая, как прекрасно они созданы, очень тонко очерчены и каждый палец на них выглядит как бриллиантовый. Так и хочется нагнуться, чтобы их поцеловать. Однако, я не стану этого делать, потому что знаю, что Другому, возможно, не так приятно, если кто-то подходит к нему близко и дышит на него. Поэтому я лучше буду смотреть на мои ноги и думать про них, не пытаясь их не задеть чем-нибудь, не притронуться к ним никак! Пусть мои ноги очень красивы, я буду их достоин и, галантно провожая их взглядом, я буду мысленно их лелеять, ибо я люблю лелеять, потому что я благородный человек с умом. Лучше молчать или говорить очень короткие слова, чем говорить только про себя или о себе. Я скажу просто о себе, с достоинством и честью, красиво и коротко, нежно и одновременно очень честно, я скажу так : “

я”. После этого я буду молчать, и смотреть на мои ноги и я никогда их не обижу”, - подсудимый почесался и добавил : “Теперь вам, господа осудившие меня, наверное, стал очевидным абсурд обвинения меня в каких-то там, блин, убийствах”.

1-1

Сегодня день покрыл своим пустым покровом небо. Застеленное оно было таким далеким, что казалось недосыгаемым даже для птиц. Облака проплывали мрачные, как в гневе.

Я уезжал из России в конце февраля. Первое время все было довольно спутано. После события стали более естественными и непреложными. Я слишком много пил, чтобы выйти сухим.

Что для вас важнее музыка или любовь? - спрашивает скромный на вид юноша у девушки.

<<Музыка. Она, по крайней мере, всегда с тобой, тогда как любовь еще нужно искать>>.

Я мечтал любить.

В отяжелевшей от дурного голове я чувствовал скрепленные воедино тела - погост, к которому меня тянуло. Можно было смело назвать это похотью, но это не было вопросом смелости. <<Разжечь себя>>, чтобы прочувствовать как сосчитанные по пальцам лоскутья собственной души... Затем становилось жалко самого себя. В конечном итоге, я был счастлив подобным ошибиться образом. Я знал, что человек имеет право на эту ошибку. Иначе грубость была бы чрезмерна. Она и так вопиюща и самодовлеюща.

С ней временами отчаяннее, чем в аду. Наблюдать каждый раз бесконечную игру с единым финалом, пронсящимся с гулом через самый центр моего воображения.

1-2

Пытаясь понять, могу ли я отстраниться?

Кажется, она глубоко затерялась..

Вывать ее можно лишь с частью меня самого.

Все растерянно и поломано. Торчит одиноко из-за угла. Я думаю, что лучшее еще предстанет в свой черед на горизонте, оставив далеко позади прибывших отдыхать сюда, на побережье, бурно барахтающихся теперь в накатившей соленой волне - цветы и дух плоти, кудрявые поэты, де Виньи, которые подписываются секретом собственного мужества в конце стремительного любовного послания, скатанного из греков и из Чаттертона. Они умеют их брать. И еще бы не умели! На этом умении и зиждется литература. Я не умею и трепещу от страха при их виде. Эти дурные женщины - смуглые леди, дефилирующие как Инопланетянки. Каждые день я живу в ожидании Вас. Каждый день я отрываю новое золотое полотно от сути и от существа. Теперь мне предстоит терпеть невероятное за одно лишь дурное представление о счастье, которым я имею несчастье обладать по своей природе. Мои силы на исходе, но я не зову на помощь. Ни до кого не докричишься в открытом море. Гребу отсюда, на суденышке, нелепом, для такой мерзкой погоды на море.

2.

<<Мы часто вспоминаем о тебе, - сказал Стефан после того, как мы вышли из кинотеатра, - Ты не будешь против, если мы пригласим Абдулу в восемь часов в воскресенье>>. Я был не против, скорее, напротив, у меня была абсолютно ничем не занятая жизнь. Оставались снова ровно две вещи : жить и бороться. Казалось, я больше не живу, однако, кто был судья этой самопотери. Его, естественно, не было, вернее естественнее, что Его не было. Я всегда рассчитывал, что на решающий вопрос отвечу положительно, но ждал этот вопрос поставленным ребром. Таким образом, я рассчитывал его не разобрать и проскочить мимо. Впрочем, я был скорее склонен к тому, что он не буден задан по определению. Жизнь так и норовит закончиться. Пусть удастся у способных выловить в ее мутной воде редкие минуты, которые требуются для их свершений. Некоторые способны отнестись к этому с определенным юмором! Мне это чувство гонки не знакомо : ай, я не могу ничего оставить, следовательно не могу спешить. Оставляя, подписываешься, и вот уже выходит нужно <<иметь>> роспись. В конечном итоге, я завидую Кафке, он был, что называется, чех. Добро-здравио. Моя ситуация все глядит острыми боками в тумане. Может быть, все сущее и было этим туманом, однако раньше я не думал о сущем, лишь о тумане, тогда как сущее торжествовало, как оно случается в юности. Однако, я не о том.

3.

Безусловно, есть такие вещи, которые можно только потерять, как слово, как смысл, как страх, как кошелку. Из одной пижамы в другую. От одной планки к другой. От первой боли и так далее. Как странно : ни о чем не думать, вдумываясь тут же в каждое слово, в каждый кирпич. У меня было от всего лекарство, только я его не хотел, для него должен быть достаточный контекст. Также как и для подобных литературных <<вечеров>>.

Город покупок - город ожерелий. Вчера - юный и обворожительный, сегодня - старый и сморщенный. Кажется, было время заниматься собой, вместо этого я хватался за любое первое попавшееся пустое занятие. Так и тянет перейти во второе лицо, но это было бы ложью. Рупсто, поработал пятнадцать минут - сварганил текст. Как тот музыкант, который зарабатывает на кусок хлеба игрою в метро и хвалится тем, что привык работать не более двух часов в день. Так бы и шлепнул по его второму лицу! Тоже Опера с китайскими кимвалами и петиметр. Или рабское подражание словам или их беспринципное употребление всем назло, потому что надо. И спрашивается : из чего здесь вырасти роману? Из непривычки писать? Из желания все знать и объять? Из подросткового эгоизма, перешедшего в болезнь? Из самобичеваний? Из трелей соловья, что препятствовали и усложняли (последнее слово надо было поставить в общую молитву. Только хотя бы перед Господом - не усложняйте и тд и тп)

4-1

Думал, что все потом перепишу. О чем говорили эти люди в салоне? Об этом же? За круглыми деревянными стульями, ровно в промежутки между ободками - под зеленым от злости портретом Всеволода Эмильевича. Хороший вариант - пробивать собственный фильм или, вообще, собственное искусство. Иногда двумя фразами этот стрекочущий момент действительности определить проще, чем многими строками. Наша задача заключается в том, чтобы его определить скрытым развитием сюжета. В любом случае, это единственная вещь, которую я уяснил. Думаю, для своих лет я должен был быть старше, ведь среди этой публики попадались и мои ровесники и те, которые были даже несколько младше. Почему-то всегда вспоминаю момент в <<Преступлении и Наказании>>, когда Раскольников пьет желтое пиво, а в нем какой-то странный осадок, который словно высвечивает стакан изнутри, как свет на полотне Рембрандта, из темноты, долгий и долгий. Я украл из той квартиры, где гостил у друга, карточки Рембрандта, также как и книжку стихов Милоша Чеслаша, думал все это изучить-узнать, но как же так без спроса? Разве это возможно? Я всегда сторонился воровства и, о Боже, сколько я украл!

Так болят глаза от мороза! Почему, чтобы переключиться на свой собственный язык нужно пройти сначала через два иностранных? Вчера читал статью Бахтина <<О проблемах преподавания русского языка в советских школах>>, той поры, когда он работал учителем в сельской школе в Кимрах, а ответом на любой вопрос о его жизни в настоящий момент служило краткое объяснение школьной администрации : <<ММБ сейчас слишком занят на выпускных экзаменах>>. Кажется, меня все ненавидят. Учитываю это и сжимаю кулаки, грозя миру ответно - ненавидите? Ха-ха-ха! Есть своя система выпуска и меня и из этой ситуации. А потом плачу в каком-то одиночестве и в ужасе и усталости и бессоннице и бессилии. Только что я был болен, но сейчас вернулся домой и заболел уже чем-то другим, хотя, удивительно, прежний <<телесный>> недуг отступил. Теперь 3.57. Утро в двух шагах. Утро - это тапочки, скрип половиц, сидений, приоткрытый холодильник из которого непременно какой-нибудь пар и кости, а у меня до всего этого, еще ранее, отсутствовало важное обстоятельство, предшествующее по сути всей так называемой вакханалии - успокоение, погружение, непробывание в этой реальности звуков и движений, сна. Теперь с силой безысходности я задаюсь вопросом бессистемности. Кто я? Актер или ничтожество?

4-2

Зубья в колесах тревожно выглядят.
Спаленные поля отдали свой пепел земле.
В окнах поезда - оттиск гаражей,
Разукрашенных убогими граффити.
Я въезжаю на край мира.
Впервые - в этих краях.
Уставшими глазами как зверь обвожу эту
землю..
Мое состояние - выпадение.
Я на кончике самого себя!

Свирепый зверь жадно лакет
раскисшую от потоков влаги землю,
Беспричинно, безрезультатно.
Ему позволено быть неуправляемым.
В зубьях колес -
Большой вопрос
пробежавших по волне,
неуправляемых,
неразумных,
пишущих свою дикую роспись на теле -
мыслей??

5.

Я не помню того, как писал в предыдущие разы. Каждый раз - мучение братья за перо.

Каждый раз я предпочел бы спокойно умереть. Каждый раз, подвигнувшись, я тут же отвлекаюсь, не имея уже более мужества. Регулярно я делаю все, чтобы забыться в странном и полном ощущении безмятежной пустоты. Возможно, пройдут годы, прежде, чем я смогу о чем-либо заговорить, как мне того уже давно хочется. От меня ничего здесь не зависит и не может зависеть, ибо от одной только зависти можно сойти с ума и уже никогда и никуда не выбраться из болота страха и его составляющих. Разлагаясь, я пребывал в неуверенности. Кто бы это мог предположить, смотря в глаза на мой так называемый цветущий вид : я переходил от одной встречи к другой, от одного кафе к другому, где <<брал>> кофе или маленький графинчик вина, называемый здесь <>. Нет, правда, казуистика мне была ясна изначально, но помимо ее было и другое, не имевшее прямого отношения к правде, но подразумеваемого под нею. Это было то, с чем приходилось считаться и на что приходилось закрывать глаза. И об этом все знали, нужно отметить. Но никто не смел об этом говорить или же это считалось зазорным или лишним или малоинтересным, устаревшим, поспешным, нелепым или даже глупым. Как, например, любовь. Пардон, а как же фраза <<не буду больше проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого - зло от юности его>>? Это старость нашего самодовольства? Вот, начинался темный лес, с опушкой, сквозь которую своими редкими лучами, солнце сметало напористую и повсеместную листву и резало мне глаза. Я не в коей мере не хотел доказывать обратного или притворяться, согнувшись под обычной маской буднего дня, расправив плечи и улыбнувшись слегка с горчинкой : что все ровно наоборот и только в неправде я чувствую себя как рыба, потому что я ничего не знаю и ничего не умею знать и каждая крупинка знания - невероятная дорога и я ощущал ее как самоценность. Наконец, признаваясь себе во лжи, без кривляния и без опущенной головы, я сходил на землю и никуда было более сходить! Милорд учитель, ваши знания так дорого обходятся! Хочется ходить, даже более - плыть как пава сквозь человеческую толпу честолюбия и строптивости. А как же плыть, когда эта самая толпа грозит задеть своими колючими, острыми страшными ветками, хуже любого темного леса. При всем желании выплутать - предпочитаешь лишь устоять на месте, так как с этого самого места тебя сдувает силою гораздо значительней, чем вся твоя способность веры и самая возможность иметь (веру). Удивительные лицемерие и человеческая усталость и тусклость в темном лесу страха!

6.

У меня осталась от всего этого травма, которая дает о себе знать постоянно. Я думаю, теперь потребуется долгое время, чтобы она рассосалась. Я был уже не в силах, каким-либо образом связываться с тобой. Мне показалось, что все обесценено. Я вспоминал, что ты говорила, что меня ты не выбирала, что за тебя выбрал я. И так и было. Но, послушай, зачем же было идти на авантюру, ради самой авантюры, только из-за того, что скучно жить sans homme? Меня обесценила эта фраза. Мне тяжело. Я не могу во что-либо верить, что-либо хотеть.

7-1

Влеченный запахом, проходил одну за другой улицы, не в силах выносить собственный разум. Улицы сладострастно светились. Громкие их звуки царапали. Машины текли, как прежде, только все сильнее стискивая шею города, а в нем его бульваров и тихих движений. Люди возвращались. Многие бережно закутанные в плащ с прикрытыми, как черными выражениями, платками. Мне было дурно и от воздуха и от настроения. Под одеждой я чувствовал ощущение от грязных пор и сухой кожи, так же, как и вокруг рта, - красную кожу от табака, выкуренного вчера. Я искал правильные слова для моего настоящего состояния и находил все подряд приходившее ни достаточно смелым и ни решительным. Я все еще не представлял имени моего героя, поэтому слова были так загадочны, что обгарили воздух розовым свечением, когда выходили изо рта.

Мне было скучно, празднично и невесело. Вечерами меня часто приглашали в разные общества, каждый раз направляясь, я ожидал, как и эти люди в свою очередь тоже от меня отвернутся. Меня неизбежно интересовало только вино. Напиваясь, я мучил себя идеями, что порчусь, как если бы речь шла о каком-нибудь цветке, который я носил в кармане, но поставить его в вазу мне не хватало ума. Выхода не находилось никакого : все продолжало быть кругом самого себя - меня преследовала идея. Который раз я ею пробовал - без вкуса, без толка, без крепких на то челюстей, а лишь, чтобы как-то, для видимости, -пережевать, но она была как резиновая и хотелось ее выплюнуть. Вместо этого, я ее глотал, морщась. Казалось, достаточно было раз посмотреть на мою железную кожу, чтобы запомнить меня раз и навсегда и, одернув руку, убежать, но пока я ухитрялся оставаться здесь и пить вино среди людей и они были невольно вынуждены ко мне приспособиться, не отгоргая.

Пьяный я возвращался на место ночевки. Не надо путать это с возвращением домой. Место ночевки - это диван у друзей и мягкая одежда, которой я забил спрятанный за диваном чемодан.

Вернувшись, я пытался в темноте как можно ловчее дойти до дивана, чтобы не на шуметь, так как боялся разбудить моих последних благодетелей, ведь я мог бы и потерять этот диван... Вам ли объяснять, как нелегко дается пьяному человеку мимикрировать под трезвого, пусть и вернувшегося на место ночевки поздно. Трезвый совершает действия опытные.

Пьяный открывает все заново, как ребенок, разучивая свое хождение. В скобках : пишу эти слова при полной к ним безразличности. Очевидно, тяжело уметь любить чужой диван в чужом жилище, если боишься его лишиться.

Приходя, подолгу я, бывало, всматривался в отражение в зеркале на свои губы, ставшими немного мертвыми и индиговыми от вина. Меня часто мучило одиночество в такие минуты и я более всего чувствовал себя обреченным жить. Казалось, я не дорожил собой, и поэтому легко переходил в область воспоминаний, отчаяния и сексуальных фантазмов (в 26 лет мне постепенно становилось казаться, что моя жизнь это самое и есть). Наконец, я ложился на разложенный диван и меня охватывала сильная жажда по переживаниям любви, по их сладости. Я хотел плакать от внутренней боли, только вместо слез морщил лоб. Ночные эти видения, присутствующие днем лишь как катары на опушках галактики, тут были неумолимы, как паровые молоты или ноздри здоровой лошади, дышащие своим сильным дыханием в спину :

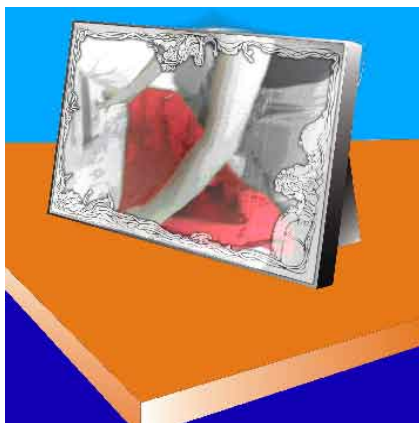
7-2

Сегодня я впервые побывал в автоматической кабине одного из магазинов, торгующих эротической дрянью, вход, в который был характерно занавешен красной бархатистой тканью. Единственное его окно - слепое, скрытое во влажной стихии как иллюминатор судна, то монотонно синее, то зеленое. Я шел по улице, когда меня подхватило нечто и со стремительной силой понесло сюда. Ноги не слушались. Мне мерещилась слезка. Вправду, рядом ходил какой-то неприметный мужчина в серой одежде с толстой папкой в руках, как гарцевавший перед всеми своей неприметностью контроллер. Мужчина заинтересовано на меня озирался. Потом он отошел несколько в бок от присутствующего там же курдского ресторана и что-то записал себе в папку, согнувшись в ее бездонную глубину. Быстрым шагом я прошел мимо магазина, беспокойно на него поглядывая, уверяя себя, что все это мне совсем не нужно, где-то про себя зная в абсолют, что, несмотря на неживой вид, там внутри есть что-то, живо меня беспокоившее и уже завидевшее меня, как опытный рыбак свою рыбку по блестящему от тревоги пузу, яркому блестящему сквозь толщу воды и ил. Как бы мне не мерзило это предприятие, однако силою преступного удовольствия, я шел на него. Разумеется, стыд, которому я был обязан детству, меня клевал и имел богатый корм.

Я опять повернулся : на этот раз я твердо решил превозмочь страх желания, таким образом развеять любопытство этого мужчины, на существование которого нужно было наплевать. Набрал в рот воздуха, я проследовал за красные шторы, в плотный и тяжелый от дыхания магазин. Я входил в эротический магазин, зная, что как на сцене, на меня будут смотреть. Внутри было тихо и, если не вглядываться в детали, даже приятно. В углах курились благовония и мирно беседовали между собой два азиатка-продавца на своем языке. Свет был тусклый, что меня скорее успокаивало. Тут же, слегка нервно, единственный бывший посетитель смотрел страницу одного из порнографических журналов при свете лампы. Когда по прошествии минуты, показавшейся мне медленной, этот немолодой тип, почесывая себя сквозь одежду обратился к азиаткам, как я заметил, с легким тремором - они были старые приятели. Видимо, он часто сюда заходил. С трудом задерживая взгляд на чем-то конкретном, я прошелся по рядам с покрытым испариной лбом. Затем, кося взглядом по представленным здесь товарам, словно бы я не за этим пришел, я снова посмотрел на азиаток и на их клиента. Они с несильным, в целом, акцентом, сказали ему номер будущей кабинки, куда незамедлительно он направился, сжимая кулак.

Стыд связывал руки, и я все боялся, как бы какой-нибудь неудачно появившийся знакомый не увидел меня. Я не знал к чему подступить. От ощущения этой атмосферы, от неприятного вида детородных органов, от выпростанных повсюду блондинок, от искрящихся заголовков - меня пронизывало сладким соком и одновременно, как бывает на расстроенном экране, по моему разуму суетились помехи. Мне беспрестанно казалось, что сквозь хитрую систему зеркал, установленных в магазине, за мною наблюдают, меня видят, меня замечают, даже, наверное, мой приход сюда был для многих очевидностью. Я вспомнил, как однажды я заходил в парфюмерный магазин, где, по сложному графику, работала Маргарита в районе возле продолговатых галерей, украшенном флажками, назойливыми вывесками, неонами, изобилующем продавцами на каждом шагу с разложенными коврами и ящиками, из которых торчала всякая всячина, часы, рубашки, вилки, шурупы, затейливые ларчики, невообразимые предметы домашнего обихода, для замешивания, размалывания, перебирания, очищения от кожуры. Маргарита в тот день была выходной, а воздух в ее магазине был точно нанизан на стержень, каждый сантиметр которого - квинтэссенция разного запаха.

8-1

Одна из функций из этого мира - любовь, всеподавляющая, сформированная культурой, ожиданием, нашим трепетом перед жизнью, но у многих нет достаточной свободы совести в это верить, ибо вера - способность к разгрузке, но, не имея сил разгрузить весь мертвый багаж, утопаешь в дальнейших бессердечных обстоятельствах. Мотаясь между четырьмя квартирами с чемоданами полными нечистыми шмотками и дневниками, я думал об этом и переживал, сжимая в гнев руки, кусая губы и взъерошивая, подобно сумасшедшему, волосы. Вспоминал слова моего друга-итальянца Эрманно, который всегда отличался потрясающим умением - быть галантным в любой ситуации. Он, в шарфе, остановившийся перед понравившейся ему девушкой, и непринужденно делающий ей красивые комплименты : <<Представь себе твою любовь, материализующуюся прямо сейчас и здесь в реального человека, которого ты так долго знал и чувствовал, что ты испытаешь?>> Я представлял поминутно сменяющиеся образы, как в игре, которую переворачиваешь и видишь, как изображение постепенно сменяется на диаметрально противоположное. Гнев и нежность безжалостно сосали мои внутренности : то острие маленькой пилки для ногтей с нагнетающей силой колело кишки, то кровь стыла в сосудах, то слабость и мягкость опутывали колени, что я готов был упасть, забыв обо всем, и непременно проломить себе коленные чашечки, а то из лопаток, как сорняки, росли мощные и неповоротливые лебяжьи крылья. <<Да, дорогой Эрманно, я готов взлететь, сдувая в воздухе, словно пушинки, мои перегруженные домашним скарбом чемоданы. Любовь так безжалостна и категорична, страдание этого мира никогда не рассосется. Теперь, точно больной СПИДом, я подвержен каждой заразе в этом желтом воздухе. Может быть, я действительно болен?

8-2

Дунь в меня, я согбенный от страдания, разобьюсь, как китайская фарфоровая кукла на миллионы осколков. К сожалению, когда любишь, существует страшный момент осознания прямоты и честности перед собой : здесь и сейчас я мог любить этого человека, однако не люблю, как могу, подобно, как другой мой друг - безуспешный гитарист - мог бы гениально играть на гитаре, но не играет, потому что злость, амбиции и бесчестность перед самим собой взяли в заложники его талант. Я любил бы, но не люблю, так как ненавижу самого себя за трусость и бесчестие и самообман>>. Почему у ангелов подрезанные крылья? Кто вымазал их в саже? Почему у меня даже вместо таких, хотя и дефектных крыльев, есть только чемоданы, которые мне некуда засунуть, потому что нет у меня ни кола ни двора ни любви, а только страдание и засуха, как у богооставленного существа, не способного на комплимент, на подлизывание, на улыбку, на малейшее проявления удовольствия. Черный нож кромсает ладонку, до мозоли перетруженную кожаной ручкой чемодана, с которым еще мой прадед до Революции ездил в Бессарабию. <<Дорогой мой друг, я оставляю тебе страдания и ключи от моей квартиры, живи в ней сколько заблагосудится и не сердчай>>, - сжимаю во внутреннем кармане белого дождевика записку.

9-1

Говорят, суэта придавала новый ракурс. Ему стоило огромного труда ее преодолеть. Кажется, он не мог избавиться от ее навязчивого ощущения, привкуса. Сегодня он проснулся как всегда разбитый, растерзанный, одинокий. В голове свербело от неприятного, чужеродного ощущения ваты, от неудобной ночи, от сотни молниеносных слов, вспыхивающих непринужденно в сознании, неуспокаивающемся, взбудораженном, враждебном. Все, что его окружало, было таким страшным, нечистоплотным. Скорее бы все это закончилось. Вторую ночь мой герой ночевал в этой квартире с незнакомыми лицами. Похмелье. Вчера я помню, он целовал какую-то женщину, старше его, по меньшей мере, на полтора десятилетия. Она катила велосипед к машине друзей, обещавших подбросить. Это женщина, которая только что с таким воодушевлением вела повествование об известной ситуации в мире кино, вдруг схватила его за руку на лунной улице. Они только что покинули сад, откуда раздавались крики и танец. В этом саду, выложенные брусчаткой дорожки, аккуратно обводили вокруг цветущую фиолетовым бузину. Раздолье было вину. Тут были в основном горькие вина, молодые и вяжущие и пьянящие внезапно и слегка отдававшие теплотой и кислым.

9-2

Очень быстро он начал хмелеть. Какая-то молодая девушка, до неловкого кокетливо и безвкусно играющая в литературу и эмансипацию, с твердым желанием его <<раскусить>> задавала неуместные вопросы, которые он и не думал решать ни в какой эманации. Всегда одинаковые девушки, кичливые своей образованностью, с грубыми манерами, растрепанными юбками. Они собрались в маленькую группку в кабинке на пляже. Все дощатые хрупкие стены ее были уклеены карточками из порнографии - опять те же девицы, только еще более пошлые, почти ужасные, хватающие все, что движется, в ладони. Она, эта незнакомка, весьма походила на муху. На маленьком пластмассовом стульчике для детей, он, со слишком выпирающими коленками, острыми и массивными, неудачно вылепленными, сидел между рядами незнакомцев, о чем-то судачившими без перебоя, как судна с грязным питьем. Она слушала и хмелела. В его слова было вложено столько яда и грусти, почти позабытой, легкой. Облекая смутные предчувствия в формы, он пытался успокоить душу, которую можно было практически взять на зуб и цокать ею, наслаждаясь вкусом. Эти формами были брошенные им фразы - копы - в эту непривлекательную даму в красной шерстяной безрукавке, с худощавым телом, почти неменяющимся в движении.

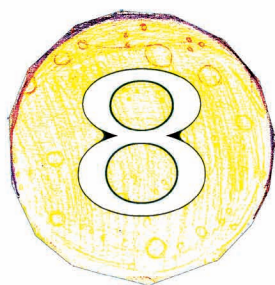
10.

Титановые чувства, титановые лица, на чем нам остановиться? Может быть, на Тинторетто или Веронезе или на голубых подпалинах с оборки его пиджака, который ждет на гвозде, пока он болеет. Герою, когда начинаешь с Героя, всегда приятнее дать имя или перечислить все сокровища мировой литературы и вдохновиться на Создание имени. Как известно, доктор прикрывал дырку в курятнике картиной Ван Гога и подобное никого не удивляло. Когда Герою доверяют чужое произведение искусства, можно на секунду забыть, что сама жизнь Героя - произведение искусства.

11-1

Важно не забыть. Об этом не имеет смысла говорить. Столько лет прошло в неудачных поисках имени. Кажется, придется сдаваться безымянным. Ну, привет, парижский чердак! Вергилий верхом на пантере! Есть ощущения и более нравственные и тонкие. Будем считать, что все так получилось за недостатком дисциплины - голо, как пустынная область. Многие имеют маленькие тетрадки, в которые выкладывается содержимое их внутренней жизни. В этом есть нечто вязкое, как свежие пятна ликера на матерчатой скатерти. Таковы и слова. Без блеска и фантазии, деревянные и растасканные точно дрова из сарая по всему участку. Я начал мой роман о путешествии со слов <<это было удивительное время моей жизни>>. После этого я засунул тетрадку куда-то на самое дно рюкзака и уже больше никогда не возвращался к этой оброненной фразе. Тем не менее, это стало началом невоплощенного в слова романа. Я никогда не смогу забыть того удивления перед той тетрадкой в переплете из зеленого кожи. Фронтисписом ее служила надпись шариковой ручкой красного цвета <>, а чуть далее, зеленой шариковой ручкой : <<Взглянул окрест меня - душа моя страданиями человечеств уязвлена стала>>. Она хранит в себе и другие отметины этого несостоявшегося романа : мой короткий текст, где описаны мои злоключения на земле :

Я вконец запутался, путешествуя без билета. Во-первых, это само по себе тяжело, а во-вторых, есть принять во внимание, мою природную склонность к панике и простудным заболеваниям, то, вообще, ужасно. В поезде я делал вид, что у меня болит живот и претворялся, что, впрочем, правда, что не понимал ни слова.. Я заперся в туалет и не реагировал на дерганья ручкой и стук. Затем, когда поезд приезжал на очередную станцию, я осторожно выбирался из убежища и садился на табурет в вагоне-ресторане. К таким скоростным поездам я не привык, поэтому действительно в этой скорости почувствовал недомогание, а затем и головокружение. Заткнув уши, я кашлял, посматривая в окно, где с чудовищной быстротой мелькали вспаханные поля и леса. Единственно непоколебимым было небо. Вдруг я стал по-настоящему болен. Контроллер теперь в любой момент мог придти и потребовать билет, в ответ на что я должен продемонстрировать ему дыру в моей сумке, объяснить на пальцах, что меня обокрали и что я студент без наличных средств и что я мечтаю лишь снова быть дома. Все-таки я не могу побороть страх и чувствую себя преступником или, по крайней мере, нехорошим человеком.

11-2

Я вспоминал увиденное недавно, как по утрам сумасшедшие собирались в группу и шли забесплатно завтракать в кафе. Я был там же в компании нищенствующих музыкантов-поляков, сильно пьющих. Сумасшедшие разного возраста, одетые по подростковой моде, с выбритыми лбами, пирсингом, в рваных грязных одеждах, с исцарапанными руками, щетинистыми подбородками, дружно рассаживалась, желали друг другу <<Приятного аппетита>> и принимались, не размениваясь более на разговоры за столом, за завтрак. Затем также группой выходили на улицу, где устраивали забавы : кидались мусором из помойных баков, шокировали прохожих и

12.

Воздух набирается в гены, воздух усталости и вчерашнего дня. Никаких сил, чтобы больше не врать себе. От ужаса перед действительностью он омрачил свой лик водой. Алтарная чаша слишком низкая для алтаря без святыни. Спать бы и не просыпаться, однако сон - летуч, и птицы, которых я тебе желал давеча увидеть во сне, слишком неподвижны, как камни жмут небосвод и его латунные ставни. О, боже, боже мой, какой истощный крик издала эта дама, имени которого я не знал, Мария Каллас. Открытие театра по Кольтесу. Одиночество и Рембо-охотник. Местное телевидение и Солнцев. И меня страшно царапает кот - единственное приспособившиеся ко всему пережитому существо нашей квартиры. Проводя дни в страшных муках, я шуршал сухими руками, как листьями. Кто-то похвалил мою писанину, утвердив в ней отличное. Вчера я пил, сегодня - спиваюсь, завтра - обопьюсь. Сигареты. Да, сигареты после ванны пахнут тосолом и тоской. А наш перформанс, чем он пахнет? Вашей нечистоплотностью! Детством, но очень ранним; утром, но седым; туманом, но иссиня-черным, кафе <<Грабли>>, что под домом; деревом; деревней; прочим. Англичанин сказал, что в Англию он не поедет, поскольку там у него нет денег даже на автобус. (Мои посулы риторические, мои искания детские, я много пью, со мной все сложно, мы анализируем и только, j'ai de la mauvaise foi, я все порчу, спокойной ночи и целую : ты красивая, ты прекрасная, я тебя люблю). А ее интересовали мои проблемы? Все остальное время я портил то ли отношения, то ли себя. Была ли она теперь здесь, на передовой, чтобы решить мои проблемы? Что я списал на нее, было невозможно списывать на других. Зачем при укорачивании, я удлиняю, а при создании - убиваю. Ростки любви - самая тонкая жилка моих рук. Я всем сердцем за их рост. Солнце нещадно. Солнце, как и королева, сама кровожадность. Мне бы работать, однако если бы кто-нибудь предложил мне работу, я почел бы это за величайшую ошибку. Я не умею работать. Я безрук, как солнце, и жилки на моих руках - иллюзорны, как белые паруса на синем горизонте богатства и белые штаны, в которые запахнуты ведущие разгульный образ жизни гастарбайтеры.

13.

Встретились мы с нею на улице, около Библиотеки, собственно, я об этом и в предыдущем варианте моей статьи упоминал, не мог не упомянуть, так как это все-таки начало нашего знакомства. Гречанка-бомжиха заворчала, заскрежетала зубами : <<Ух, европейская организация! Ух, этот евросоюз безумия - огни святого Эльба, всех их в тартарары..>> и понеслась поласкать все очаги межнациональной ненависти.. <<Извините, я отлучусь за сигаретой>>. Интересно, почему так получается, что мне приходится объяснять редактору, о чем писать. Я ему говорю, будет отличный материал о Терзуле Петраки, то есть Петруле Терзаки, гречанке-юродивой, бастующей против общественности, против того, чтобы всякие засранцы пили Бейлиз по ночам, только это неинтересно, в этом нет соли. Мерзавцы все равно Бейлиз пить будут. Им, мерзавцам, он слаще. Хотя с другой стороны, Петрула, ответьте : <<Вот Бейлиз - напиток богов, каким образом он оказался в России?>>

-Я пришла пешком из Голландии, через Страсбург, где я тоже бастовала.

-Бастовали говорите, интересное времяпрепровождения. Вы что сумасшедшая?

Тут Петрула улыбается и сообщает как автомат следующую информацию (невдуманную) :

5 июня. метро Новослободская. Кафе-интернет, кофе собственного помола со сливками. Составляю письмо президенту : президентом стал ваш сыр. Уж очень дорогой. 7 утра, а надо добавить, я всю ночь корпачусь. От улыбки стало всем светлей и слону и даже маленькой улитке. Всю ночь корпачусь как енот и тут сетевой администратор мне и говорит Валили бы отсюда пока зубы целы, а и вправду сказать зубы еще те, все повывадали, и корпусенцию рта еле держут. И вбирая в себя воздуха я ему - Ты, блядь, мать твою... - читатель. пардон.

А он : Сама ты...

6 июня метро новослободская
писать про людей - обломно.

14.

Ничто не заменит быть влюбленным. Долго страдать и потом через страдание вдруг почувствовать другое, тихое, в самом себе, красоту, о которой так и льнет сердце говорит стихами. Хочется дать другие имена вещам, которые так знакомы, так приелись, так пресны. Вдруг хочется изменить себя, руководствуясь голосу, сродни самое влюбленности. Так многое я забываю, а влюбленность, и буду еще вспоминать. Она - божественна. All the wild horses. Столько много клавиш и не знаешь на какую нажать в темноте, а потом музыка вдруг играет сама. Как прекрасно, что новую жизнь я начинаю с влюбленности. И тут нет безумия, а лишь умиротворение красивого снежного дня в большом городе.

Потом я плетусь вокруг нее, без умолку что-то рассказывая, убеждая ее в чем-то, в чем нельзя убедить. Она побеждает меня своей красотой. Ее улыбка, словно странное сокровище, мне режет своей странностью взгляд, к чему-то привыкший, теперь обезоруженный. И между нами нет близости, сплетенных рук, объятий, но есть что-то другое, близость, о которой я так не тороплюсь судить, предпочитая молчать, пока молчание не нарушит мой покой. Вдруг я осознаю, что готов отдать ей мое доброе сопоставление. Что за странная фраза вырвалась из того, что не создано, чтобы вырываться?! Двор был покрыт снегом. Она бросила в меня снежком, но это была удивительная мягкость, от которой я чувствовал себя неуклюжим, больным и исцеленным от этой болезни. Мне вдруг захотелось писать от невообразимых переключений в моей голове. Господи, избави меня от страдания, хоть на этот миг! Теперь она уехала и я погрузился в сложный запутанный мир самообмана.

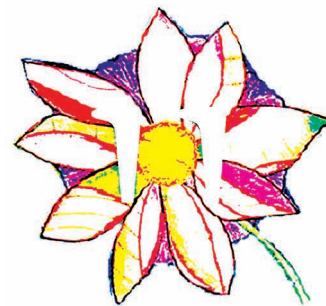
15.

Ты можешь вполне воспроизвести мысль в этой бедности мысли, в этой Гоби мысли, в этой черной пустыне отчаяния. Да, у тебя есть возможность сказать твое Слово. И пускай это Слово не будет маленьким словом. Пускай оно взмывает, как возможность взметать, не касаясь крыльями темноты и всех тлеющих медленным тлением сигарет, что курят твои легкие, как листопад, взмывая, ругая тьму, накрывшую плотнее крышки. Эта тьма подождет, у нее для терпения есть свои гонцы, выжидаючи скромные и истовые, подобно свирепым птицам. Охи и ахи. Приблудная, сколько ночей! Скромная, сколько платьев! Машину укоротило. Запах опорожнил помещение дыханием горения. Темные доски здания. Я снимал медленно, тарашась на актеров : они играли...

16.

Вот я говорю о чем-то, что я будто что-то делаю, создаю. Только что, во мраке, через весь Париж вернулся домой - в сквот <<Женераль>>. Место убаюканное и взласканное поэтами. Место, о котором писать можно только в обе руки, одновременно двумя перьями. Найти в самом центре листа точку и от нее писать во все направления, пока не охладеешь в движении. Грязные ребята-артисты как всегда пили свое пиво внизу под звуки расстроенной гитары. Опять "picoler", пока внутренности не станут цвета этого винца разлива где-то в песчаниках Бордо. Также нет денег на сигареты, поэтому у всех в зубах самокрутки. Крошки табака и разума. Плачущая ива во дворе. Метель от самой идеи бесконечного, томного курения. Langougeux - томный, нежный, влюблённый, слабый. Мне так хочется курить и так противны сигареты! Так хочется утонуть в дыму, уткнуться носом в дым и больше ничего не видеть. Этих переходов и бедноты. Этого чересчур вежливого гаитянина, который спрашивает копеечку на билет на ночной автобус, объясняя свое положение отсутствием бумаг. Курение как темная кожа этого гаитянина. Гагатовые легкие курения, злосчастные, злокачественные. Только что разговоре в баре "Звезда Монтрёйя" о пустоте, о сексе, о том, что наш осветитель не надевает никогда презервативов. Заявление двадцатилетней актриски : "Ну да, конечно, с ним или без - вещи различные", а потом она начинает цитировать <<Я помню чудное мгновение>> на русском, говоря что-то глупое о безупречной красоте этого стихотворения, о ком-то выучившим первые строки и выложившим их в лицо какому-то русскому туристу, наверное, непроницаемому от радости : этот светлый блеск прямо изо рта в рот. Я курил сигареты соседа, нелюбителя контрацепции, опять напиваясь, чтобы глазами безбоязненно ее пожирать. Я так вдруг захотел ее плоти, ее недосыгаемой плоти. Где она? С кем? За что мне было приказано выпить дистиллят слез страшной Сирены - полуженщины-полулошади. Все дикие лошади. Пусть дорога навсегда заберет в себя пыль от их копыт. И я не помнил не единой строки из <<чудного мгновения>>, все так забыто, так поросло билью. С прахом, с прахом. Теперь полцарства за Пушкина! Теперь поэт многого стоит, ибо Он им был, и Он им остается. Так пусть же лучше она будет загадочна! Мне так нужен ее свет.

17-1

Пассажир.

В чем же я, к удивлению своему, все же разбираюсь? Этот вопрос я задавал себе, ложась ночью спать, тот же вопрос я задал себе с утра, тотчас после пробуждения, к слову сказать, неприятного. В комнате был жуткий сквозняк, и никакой пощады от него не было, даже если я забирался с головой под одеяло, сквозняк пробивался снизу, через пол, покрытый линолеумом, а также мой матрас был очень тонкий. Поэтому, проснувшись, я прежде всего пошел обследовать окна, о чем, впрочем, помышлял уже несколько недель. В окне со странным чувством я открыл для себя, за нечистыми палевыми шторами - вид на Останкинскую телебашню. Она была гладкая и складная, как многофункциональный перочинный нож, а самый верх ее шпиля застилала курчавая серая туча. Вид у башни был все же странный, казалось, неясным образом опережающий нашу эпоху, и связанный больше с буйной фантазией пытливого человеческого ума, чем с реальностью. Возможно, этот ее странный вид был просто прямым следствием плохой погоды, прочно установившейся в Москве в последние несколько лет, хотя, возможно, это я замечал только плохую погоду). Мне, вообще, не нравилось так просыпаться, взбудоражено после беспокойного сна, с неприятным ощущением изгибов зимнего ветра в голове. Каждый вечер, засыпая, я мечтал о другом, об изменениях, которые, по-моему мнению, должны последовать в моей жизни - новая успешная работа, интересная учеба, понимание близких людей, занятия спортом, творчеством. Но изменений не происходило. Мало того, ночь была невыносима, и часто в темноте я пробуждался от слишком отчетливых ночных видений и замечал через дверь, как на кухне все еще горел свет. Я старался накрыться с головой, так как было очень холодно, и я боялся менингита, однако к окнам, чтобы их обследовать на предмет дыр, я все же не приближался. Они мне казались чересчур холодными, а грязные металлические ручки, которые торчали из них многие годы, я брезговал. Так же часто я просыпался от сильных приступов жажды, вызванной спиртным. Много раз я убеждал себя перестать пить, однако внутренний и внешний дискомфорт не позволяли мне. Мне казалось, что я неспособен прямо глядеть перед собой, а лишь - упрямо в пол, на собственные ботинки. Я, безусловно, знал, что разрушаю себя. В комнате было холодно, но холод был особенно заметен, когда я садился на саднящий пол, а так как у меня не было никакого стула, ни кресла, ни табурета, я был вынужден садиться на саднящий пол, но сидеть на нем было неудобно, поэтому я предпочел снова лечь на матрас и что-нибудь почитать, чтобы проснуться окончательно. Мне было по-прежнему страшно подхватить менингит. Из другой комнаты я услышал легкие, царапающие звуки джаза. Это был "Парижский Свинг" Джанго Рейнхарда. Прекрасная музыка, от которой становилось как-то безвыходно невыносимо. Я почувствовал себя заболевшим, но тут же сообразил, что, возможно, единственно верный выход для меня на данный момент - сказать больным. Я открыл книгу и полистал ее минут пять. Это были какие-то стихи в переводах Бродского. Там была такая фраза "Я солдат. А ты - крылья на моем шлеме". Это было длинное и красивое стихотворение о любви. Еще я вспомнил строчки Пушкина "Смеетесь вы, что девой бойкой / Пленен я, милой поломойкой". Меня восторгала легкость его стиха. Я представил себе Пушкина на пару с каким-нибудь столичным другом на далекой уездной станции, где они остановились, чтобы сменить лошадей, и там как раз мыла пол некая осанистая девушка... Сейчас, когда, как благодать, наступило похмелье, время стало мягким, непременно влажным, как соленая волна или прядь мокрых волос, ниспадающих обреченно на лоб, от которых всегда ждешь, когда же они высохнут, но они не высыхают. Перемена, которой я жду, надеюсь, где она? Музыка из соседней комнаты, как бессвязный урок по мастерству неслышимого пения. Я никогда не учился петь, однако этот свинг так и норовит заставить мой рот открыться, и тогда я издаю немые звуки, как рыба, которую достали из ее синего аквариума. Это очень забавно.

17-2

И опять я спрашиваю себя с предельной честностью : “В чем же я разбираюсь?” Я принял решение уйти из университета и, хотя я предупредил всех об этом решении уже давно, принял я его по-настоящему все пару минут назад, пробудившись с похмелья. И вот я на своем матрасе, листаю книги, а потом какие-то альбомы по искусству, Филиппо Липпи, Пепо Чимабуэ, Фра Анжелико. Раннее Возрождение, когда я путешествовал по Италии, буквально пронзило мое воображение светом. Синий цвет у Липпи, глубокий, как цвет глаз с расширенными зрачками, в которых преображается мир, а за окном, насупившись, глядит в мою маленькую комнату башня. Цвет - пространство, в котором наш разум пересекается с мирозданием. И мне неловко от досады и простуды, и все смешивается, а это очередной день из жизни. Будущее удивительно закрыто, но сквозь двери я слышу свинг. Франц Кафка после очередной бессонной ночи отправляется на работу. Он - клерк, а на службе его ждет “будущее”, но он как-то стесняется этого “будущего”. Он чувствует себя, как леопард, который врывается в храм и вылизывает кровь из алтарных сосудов и продельывает это каждый день, пока власти храма не решают внести его вторжение в протокол службы и таким образом надругательство становится частью святыхни. Потом он возвращается домой после утомительного однообразного дня, и, стоя на подножке трамвая, размышляет, с четкостью осознавая отсутствие уверенности в своем положении в этом мире, в этом городе, в этой семье. Перед ним пассажирка - интересная девушка. Он пристально изучает ее, ее обильные каштановые волосы, ее маленькие уши, тень на их ложбинках. Ему бесконечно странно, “как это получается, что она не дивится себе, что она не раскрывает рта и ничего такого не говорит?” Может быть, это и есть та прелестная пушкинская полойка с концентрированно синими глазами, как платья ангелов на фресках Филиппо Липпи в родном Сполетто.

Я чувствую, что мне просто необходимо выпить кофе, чтобы как-нибудь отвлечься от этих рассуждений. Университет, как далекая гора, возвышается над моими плечами. Я больше не знаю, в какой стране жить. И, тем более, откуда взять деньги на кофе. Моя дипломная работа по Кафке завела меня в абсолютный тупик. Я вспоминаю, что около дома открылось кафе “Грабли”, и там есть угол, заставленный высокой кадкой с пальмой, именно туда мне хочется пойти, чтобы выпить кофе. Я знаю, что в одной из книг заложено сто евро, которые мне нужно обязательно отдать в самое ближайшее время. Машинально надеваю прокуренные шмотки и беру деньги. Обувшись, я довольно заметно прихрамываю, так как новые ботинки мне сильно натерли ногу. По холоду я обхожу все окрестные обменники, пытаюсь тщетно поменять лишь самую малость от ста евро и получить причитающуюся мне сумму. Я прохожу четыре раза мимо Макдоналдса, воняющего, как помойное ведро, из которого кормили Грегора Замзу. Наконец, я удаётся поменять бабки в Сбербанке. Сегодня воскресенье, но он открыт, - “возможно, отработывают праздничные дни”, - думаю я. Очень аккуратный служащий, “клерк”, придирчиво смотрит в лупу на мою радужную банкноту. Педантично и медленно он отсчитывает сдачу - все теперь позади, я покупаю золотую пачку длинных “benson&hedges” и направляюсь пить кофе в “Грабли”. На входе две случайные женщины в меховых шапках громко распространяются, как они прежде всего зайдут в туалет помыть руки. Я заказываю “эспрессо”. Невежливая бармен в кружевном белом фартуке с явным злорадством мне отвечает, что машина сломана, и есть только “американо”. Я согласен даже на это. О, окончательно проснуться! Перед тем как снова наступит ночь в этом городе, где дни кротки, как ягнята.

18.

Человек, который наступает мне на пятки.

Прекрасный друг

19.

Включиться в грудь мне безвозвратно больно.

А, знаете ли вы, что она вела дневник?

С течением времени распространился запах камфары.

Мертвецкое.

Я пил беспробудно, находя в этом компромисс между совестью и словом.

В комнате у меня стояло два шкафа

в противоположных углах,

между ними - полопанные обои.

К одному скотчем приклеена засохшая желтая роза,

как саше у Ахматовой,

не распространяющее никакого запаха,

помимо того, о котором шла речь выше.

Так вот на этом шкафу я хотел написать белым <> - желание,

а потом, медленно следя от надписи взглядом по стене с оплывшими обоями,

прибиться к другому такому же шкафу,

но платяному, из которого торчат все мои прокуренные грязные шмотки.

На нем я бы написал <<реальность>>, соответственно, не вполне удобоваримая.

Спрашивается, чем занимался поэт в дни беспробудного пьянства?

И почему он спит на грязном матрасе?

И за что ему врезали по морде, как последнему подлецу?

Какой запах с головой выдает время? Его тление?

Запах страха, запах смолы,

ужаса, брони,

кожи, соли,

свиданий вслепую,

шампанского?..

20-1

В очах по-прежнему огонь, но странно его пламя - холодное, блеклое. Я в этой комнате, за занавесом. По утрам меня будит шум актерской игры. Актер и я сам. Страдая, кажется, излил слезы Ниобеи, но кто мне подскажет их настоящую цену? Королева? Они, собиратели, устанавливают свои мышеловку, tapette. Туда я не пошел, хотя настойчиво звали. Я ответил : мне достаточно уже одного зелья из слез Сирены, процеженного сквозь дистиллят отвратительно холодной Москвы 2005-2006; пива, от которого после третьей бутылки лезешь на стену, двух пачек сигарет в день; боли самоудовлетворения; бессонниц в вязаной шапочке (дома +14, а на улице -32); соседей-зеков; пьяной драки с французскими дипломатами - ада вывернутого наизнанку. Туда я не пошел, оставшись здесь - работать, но, бездельный, мучающийся, изнывающий от тоски, обдающей меня холодом своего железа с расстояния с жезл датского короля. От моего теряющегося тела : пусть будет - мышеловка. Пусть будет : une bonne tapette! Я лучше буду говорить им назло, в гневе продирая глаза, захлебывающиеся от пыли. Здесь пыльные комнаты за черным занавесом. Здесь пустующие дома размером с улицу. Здесь китайская кухня в двенадцать часов. Я протергиваю рукой в наручнике, и я счастлив от того, что смерть все-таки движется. От того, что моторы, пусть и странные на вид, заводятся! Что же, позволите, еще можно предложить? Кажется, я вру и сочиняю - придумываю текст, придумываю тут же ему значение, использование, смысл. Всего четыре часа отделяют наши два пространства, но думаю, что годы, что жизни разрезаны на двое, как столетний дуб - молнией. Медведь, парирующий выпады рапирой. Черное, как чернила, пальто в честь дня рождения. Начинает расти живот. Среди людей - все так и есть. Я теперь свободен, только без былого очарования. Все прекрасно, только взгляд гол и сер, как это дом размером с улицу. Напротив него - маленькие дома с балкончиками, на которых цветут гортензии, олеандры и ландыши. Бог ты мой, я даже не знаю, о чем пишу. Я просто словоблужу, разложившись как мартовский кот в луже собственной печали.. Собственного имя, которое мне мало, как ботинки, которые она так не успела истоптать за два месяца после развода и нового замужества. Где правда в ее глазах? In her mind's eyes, <> from tip to toe. Она обезоружила взглядом, так как она это умела. Это была ее отличительная черта. Ровно и четко я начала грести эту лодку. Этот помойный марафон на запястьях рук. Забежал, а она сбежала. Я кинулся догонять, но неожиданно для всех, получил по морде. Потом, правда, догонять не стали. А то могли бы дать и еще? Для них, дипломатов, это обыкновенное дело. Так они осваивают рынок, пробуя различные блюда с картошкой, пробуя и многое другое.

Они же и Гамлет с цветами.

20-2

Гамлет (трагично) : Я пришел, судари, что возложит цветы на вашу могилу.

Они (голос изнутри сцены): Спасибо, принц, вашу доброту мы никогда не забудем, даже в вечной жизни.

Гамлет (обычным голосом). Это малейшее дело. *Le moindre des choses.*

Они : Ох, сударь, если бы каждый мог бы рассуждать так благородно, как вы, тогда наша планета обогатилась бы невероятно.

Гамлет : Мне, конечно, лестны ваши красивые фразы благодарности, но, не отвлекаясь нисколько от моего первоначального намерения, я выложу вам все с предельной прямой. (выкладывает камушки)

Они : Ах, камушки как нельзя кстати! Это с вашей стороны очень симпатичный проект украсить нашу братскую могилу цветами, а затем соорудить на ней такую маленькую насыпь в садовом стиле.

Гамлет : Я и лопату принес (достаёт из подкладки черного пальто лопату). Вот придется копать!

Они : Еще раз спасибо большое. Теперь в будущей жизни мы совершенно спокойны.

Вашиими заботами, принц, мы чувствуем себя на гребне волны, на пике удовлетворения.

Копают.

21.

Ах, Боже, наконец-то красивое время, по-прежнему за занавесом. Истек всего лишь день, однако я уже начал переводить на французский его предыдущую часть. Шаги за спиной ускоривались. Это значило, что все будет в самое ближайшее время кардинальным образом изменено. Сквозь частокол орфографических ошибок и, я думал, что нужно быть немного геологом, поскольку язык, подземная сфера, с ядром и мантией, в которую вонзаешь наугад серебряную лопатку, не в силах ее более высвободить от пострадавших где-то в своей невидимой темноте корней. Что-то не так, если настолько уже нет подходящих слов. Что-то не так в королевстве! Наверстать потерянное время. Так это значит, всю жизнь теперь предстоит работать. А как же любовь? Без нее вся эта работа не имела бы никакого смысла. Только и просто - занятое время, как будто бы действительно необходима эта асимптота! Как будто бы и без нее недостаточно двух тяжелых полушарий! Двух легких теней! Проснулся как никогда тяжело. Где эта девушка, которую я любил? Что за странная мысль - уйти, развернувшись от похоронной процессии - убежать? Одни только тяжелые деревянные ворота с двумя дородными амурами, которые своей лаской освещают скорбный путь. Ночь тиха, как бумага! Больше, как шум океан! Как монолог толпы! Теперь их *soliloquys*, дотоле абсолютно недостижимые, стали для чем-то вроде лебединой песни. Это частый сюжет в литературе - разочарование, потеря кумира, отъезд Адамаса, тишина греческой ночи, в центре которой мрачно блестит заросший травой архитрав. Как недавний разговор Гипериона с цветами, в ходе которого открылись для нас, призраков, вооруженных до зубов, страшные тайны о том, как поэт стал журналистом, о том, как гоняется за музой, как пират, зажав в зубах свой протазан. Хотя вы, наверное, увидели бы в этом нечто другое, связанное с личными переживаниями и натиранием, так сказать, первых мозолей. Но ведь так больно, когда плоть зажата в каменном мешке, так четко держат ее пальцы горло, так страшна пена у кончиков рта, как бешеная лошадь, не в силах выплюнуть удила. О сколько пены в этом муссе мысли!

Как дистиллированный в желе в ходе ужасного акта страха! Процесса! Смертельное оружие - их протазан! Эти охранники с упорством животного не признающие *Everlasting*, ждущие конца, как все прочие. Конца их короля! Конца их незаконного солнца! Норма Беллини. Я угадаю. Только голос Марии Каллас заставляет меня жить. *Ombra leggiera*. Открытие театра. По-прежнему жизнь за занавесом. Там - все новые спектакли. Говори ему, ведь ты же школяр! Говори ему! Какой-то бред. Я не знаю. У меня больше нет ни единого вопроса. Я не могу.

22.

Почему застревает в горле? Кажется, день такой прекрасный, наконец, к нам в город! Пришло лето, но почему лето каждый раз так выворачивает наизнанку грусть. Зимой эта грусть оседает, наверное, разделенная многими, невысказанная, неутомимая. Теперь ее пора пришла, как приходит пора отпусков, и я не в силах ее больше держать зажатой в кулаке, она бьется, как фарфоровая кукла - вдребезги. Она - одинока, точно деревце в поле со странной кроной, словно японская сосна, четкие движения веток на сумеречном небе. О Ветви, теперь я готов вас сломать! Теперь я готов вас рубить картонным протазаном, о жалкие листья моей грусти! О, вы, облепившие сосну, покрытую чагами, одинокую! Однажды ты поймешь, как ты любишь меня. Однажды ты не сможешь больше скрывать боль потери. Однажды твое лицо вновь омрачится слезами. Я не могу пройти сквозь степь. Боль разлуки так велика, что не остается больше ничего, чтобы жить. Я умер, а только тень - мое достоинство, о котором нужно повествовать, которое нужно сообщать ибо ты связан неотделимым нервом со всеми прочими. Пусть грусть расцветает! Почки, почки, почки. Эти весенние стержни болезни. Все человечество проходит это цикл от исчезновения к возрождению. Высокое возрождение прекрасного! Эти очереди в галереи Уфицио! Эти прекрасные набережные из Санкт-Петербурга вдоль Арно, где я был счастлив, когда садилось солнце и мы были одни в этом городе. Однажды, не забывай : я и ты! А теперь яркое нежное солнце. С тех пор, как я в разлуке с тобой, я в разлуке с собой, кажется, ты в четырех часах от меня, а целые года проходят в расселине между нами, целые столетия ломаются как льдины, как кракелюр. Ведь я был неверным мужем. Строптивцем. Нечто между Дон-Кихотом и Мишелем Полнаревым. Глянцевым изображением. Воплощенным волнением. Безупречностью. Будучи в разлуке, не проходит дня, без того, чтобы я не вспомнил тебя, без того, чтобы не вспомнив, я не расплакался, как брошенный ребенок, как человек, потерявший руку, как тот, у кого умерла мать, как тот, у которого лопнуло сердце! О дикие лошади, будьте мои свидетелями в этой степи! Тут, где так странно было бы врезаться на полном скаку в одинокое дерево - я всякий раз в него врезаюсь на полном скаку! Как пьяный на лошади без седла. По ветру теряя содержимое моей головы. Проветрившись досконально. Приросший к лошади, как монах прирастает к унынию. Полуденный бес в этом нежном итальянском солнце

меня оглушает - ослепляют в бликах зеркальца заднего вида зеленого <<миникупера>>, оставляя навсегда память в глазах о серпантине. Как я ее любил! Как болезненно дорога вошла ко мне в грудь! Любовь - это храм, только тут на лигурийском побережье столько храмов! Тут все - храм! Тут все - любовь! Почему же тогда они нас презирают? Почему взялось это <<почему>>? Кто мы такие, чтобы опять проходить эту стадию горного серпантина? Ставшие зеленые от синих платьев богородицы. Набрав в рюкзак, священных книг, как в рот воды. Так о любви, наверное, повествует Алла Пугачева, так о ней с достоинством сообщает Шарль Азнавур. Почему же я, с детской грудью, остался один в поле, упавший с лошади, лежа пьяный в кювете, как Жано Цезарь Монтейро? А как трогательно страдали они, мужественные, они, прекрасные, с вздернутыми носиками, с волосатыми сильными мужскими торсами, против которых самый достойный соперник - покрытые соснами, лигурийские скалы. Нужно ответить, а я не знаю. А он мне дарит украшения и тратит состояния, а он говорит мне, что я самая прекрасная, подавая мне шубу; говоря о любви, он не нуждается в дискурсе.... Потом, конечно, грустный, я смотрел на ручеек и спрашивал у воды, не ошиблось ли мое сердце, не предало ли оно меня в этих неизбежных предательствах любви, которые сжимают горло нежной рукою в шелковой перчатке? 10 стаканов красного вина. Над Нантом - дождь.

Сердце стучит звуком градин. Я на балконе, вдыхая воздух в последний раз, как самоубийца, озирающийся. Тени, тени, тени. Где же тут те деревья, те платаны и те вязаы, которые я так любил, рисуя их в воображении маслом? Пробила брешь, рыбка, ты рада пробить брешь в фарфоровом сердце, служившим больше для украшения, чем для чего-то иного. Юкали - остров наших мечт. Юкали - остров наших мечт. Большого я не понимаю, я не говорю по-итальянски.

23.

Темнота вопроса, в котором сумерки значат больше, чем свет. Где я теперь? Опять на холодном полу, проветриваемый? В предрассудках на рассвете? Я обязательно перезвоню и спрошу еще раз, что и почему, потому что по этому поводу волнение связало мне горло шелковыми нитками, перепутало, зашило в мешочек. Я также умел в свою бытность предлагать - теперь я боюсь, теперь во мне больше никакого доверия к себе - одна любовь, из которой выпадают волоски как с лысеющего черепа : только одни созвучия и мораль! Почему я, такой поглощенный светом, так рвался на эту тьму, как если бы с этого поля исходило вдохновение, и от этих клавиш преломлялся свет?! Я ждал пока проклятие разрешится. Наконец, все стихло. Теперь лес одинок, так что страшно выходить за ветви и смотреть дальше в просветы - там, где животные становятся страшнее, матерее. <<Мы можем не любить Его триста раз рядом, однако мы вынуждены с Ним считаться. Такова природа крамолы,>> - думал я, лежа на деревяшках, раскидываясь мыслю по дереву, думая также пойти в общественную душевую - помыться. Комнату я делил с поэтом-режиссером, который бесконечно носил свою бесцветную бейсболку на своем лысом черепе и который, а я так чувствовал, меня также ненавидел, как все прочие, так как я не привык ни в коей мере ни с кем считаться, так как я, прячась, руководствовался маскою презрения и проклятия. Маска!? Как будто бы в маске заключается дело!! Просто меня не хотели любить, а я не мог втереться в их круг, так как было во мне что-то неуместное, странное, о чем я промолчу.

24.

Отточенный неудачами, что черным ножом. Каждый раз прерываясь : Профессор, я предпочел бы быть Богом, чем человеком - я смотрел на этот сад за стеклом правды - <<остекленная правда>>. Я предпочел бы взлететь, чем ждать целый день, пока кто-нибудь случайный вспомнит о моем существовании, о моем сумасшествии. Где оно одиночества моря, одиночество открытого пространства, одиночество паруса? Пушкин в Болдино. Наконец-то, разрешился главный вопрос, который я не смел разрешать. Этот вопрос задался ненароком, вдруг став очевидность, благо очевидность - зеница ока. Эти фигуры на верфи в ожидании торгового судна. Драхма зла. Драхма зла.. И вот все испорчено и очернено! О, сколько я старался приподнять тяжелый архитрав священного храма из дремучей травы, в которую провалился в детстве, как в летаргический сон и нет ничего, и ничего не может быть, и все стремится к своему свершению, только свершение иллюзорно и пустынно, как необитаемый остров, остров спасения и утраченного счастья. Ветер надежды озари чело впередсмотрящего! Судно боится его гибели. Без него судно останется слепым. Кораблекрушение на сцене. Арто в театре Шатле. Любой звук призван меня уничтожить. Уничтожить мой слабый голос, исходящий ото дна моря. Каждый раз за стеклом правды. Имея все шансы быть, я избираю другое. Где оно сводится и где избегает? 3 прелюдии Баха? Что пошлее : Фишер, Льюис или Гленн Гульд? Только почему я все слышу чей-то страшный голос на дне музыки, кажется подголосок, вроде бы зеркало, уродливое, кривое?..

Добро пожаловать в постель, пастушок! Звезды осеняют твой путь от замка к замку. О, кто бы мне подарил хотя бы лачугу в этом лесу! Гомосексуальное искусство так приветливо! Тошнит же от их афинской школы, от их секс-шопов, от их школьного театра! Поднимаясь по ночному кряжу в cit'e des arts, Montmartre, я снова поперек этой дилеммы : в каком веке все это происходит и вопреки чему? Такие старомодные шляпы на людях на верфи. В ожидании судна - в ожидании драхмы зла - разгадки - оплачиваемого съемочного дня. Что бы и вы так умели делать сальто-мортале! У всех цветов я спрашиваю о судьбе моей возлюбленной, у всех ручейков, у всех звезд, у всех животных, у всех, кого встречаю в этом лесу, в этом доисторическом мире. Покапал дождик. Это под английские прелюдии Баха в английском садике! Темнота таинственна, поэтому работаешь до поздней ночи, до обморока, чтобы не разлучаться ни на миг с нею. Безумие приветливо. Король лег отдохнуть в своем фруктовом саду и так уж случилось, что ему влили в ухо гербалайф, который подействовал неумолимо драхмы кислоты в молоке, в творог обратив кровь. Король стал мхом, а его имя стало огненным свидетельством о пустом времяпрепровождении молодого Лаэрта в Париже, который, получив комнату в cit'e des arts, Montmartre, увлекательно проводил время за фехтованием в женских платьях, совершал свой drabbing и стонал как медуза, расплюснутая свирепым пальцем создателя. О, медуза! О, покойный Адамас! Вчера на киносъемке я покупал дозу у некоей Сони (сетчатая блузка, серебряный бюстгальтер). Надеюсь, ты понимаешь, что ты делаешь аптекарь? 10 бокалов красного вина. 10 осушенных бокалов на балкончике в английском саду и <<он чувствовал себя прекрасно>>...

Жорж Тракль.

25.

В палисаднике наверху улицы, в грязном, с постоянными нищими района, я сижу на скамейке, пытаюсь проснуться после неудобной ночевки в коммуне. Раскуривая сигарету, сумасшедший в дутой куртке разложил вокруг себя свое барахло, чтобы вновь запахнуть его обратно в свой громоздкий красный чемодан. Позади него - белесая скульптура задумчивого юноши, вытаскивающего из пятки занозу. Напротив его устремленных в бездну глаз - учреждение <<дом металлургов>> грязного цвета, за зеленой решеткой. Во главе здания - коричневая шестеренка - это их герб. Я здесь уже более часа поджидаю Стефана, чтобы занять у него сумму. Уже какое-то время я выкручиваюсь перезанимая у друзей. Ночью я ночевал в светящемся корабле. Сейчас, невыспавшийся, я примостился на подоконнике и смотрю в предполагаемом направлении появления Стефана. В условленном для встречи кафе <<Каннибал>> вместо посетителей - всю латают пол рабочие. Мне непередаваемо грустно. Начинаю их писать только сейчас, с опозданием на целую жизнь, поэтому более никто их не прочтает. Заново мне нестерпимо больно. Помню еще сегодня мы сидели за длинным столом с цветастыми клееночками - по порядку все жители коммуны, имен многих я не знаю - <<итальянский ужин>> в складчину. <<Ты много пьешь, не пьянея!>> - заметила Томоко. Ее выбрали на сегодня поваром. Выпускающий мыльные пузыри мальчик, из-под стола за нами наблюдает : недетское, неподвижное лицо ребенка в какой-то странной шапке с плюмажем. Ле Корбузье утверждал, что рококо - это плюмаж, красиво и ничего более. В глубине комнаты на треть наполненной холодным полумраком женщина в чепце, скупающая, увлеченная то ли шитьем, то ли нечем не увлеченная, но словно выдавливающее, как гной, из зрителя желание неопределенного увлечения. Теперь я буду спать на моей писанине, упакованный. Мне есть мили расстояний доверить бумаге - все то, что я не смог доверить людям или доверял слишком часто, неопытно. Томоко и Филипп, ее возлюбленный с пульсирующей веной на холодном лбу, словно набережная Тибра, дикая, пустынная - выдавали для блюда специальные формы. Мясной соус был настолько горя, что, пролив его на пальцы, можно было до конца жизни раскаиваться. Тут же, по мировой, собирали на вино. Какая-то девушка, которую, по ее собственному выражению, часто принимали за русскую в Нью-Йорке, истошно кричала : <<Я - страшная алкоголичка>>, но на всех у нее явно не хватало, поэтому из своих скромных жилеток артисты дрожащими пальцами доставали потерянные монеты жалкого достоинства. Я пил, не хмелея, высказывая Стефану на ухо, прочтенное их книги Платона о том, что жизнь - летучая колесница, разум - возница, душа - ретивые кони, страсти, мелкие бесы, скрипучие двери, хлипкие замки, вырванные волею случая с мясом. Потом я плакал в телефонной будке. Плакала и она на другом конце провода, и я утешал сквозь мои неслышимые для нее слезы. Для всех это был холодный шок. Я дую на страницы, пытаюсь сдуть. Затем наступил новый незванный день. По дороге на рынок я стрелял у Филиппа самокрутки, толкая украденную из универмага тележку. Часто опережаемые увертливыми китайками, мы поднимали выброшенные торговцами полугнилые овощи. Одна из них мне приветливо улыбнулась и вдруг протянула целый пакет сардин. Бывало и так, что за одну монету я приобретал огромный кулек абрикосов, а потом я бросал его на дно жестяной тележки. Наконец, я одеваю платье. Он дает мне в руки плексиглас. Публика обеспокоено на нас смотрит. Где же она была все это время? Конечно, она не может позвонить, коли телефон сломан, однако, я жду какой-либо весточки : может быть, мне поможет пролетающая мимо птица или вдруг от толпы отделится мальчишка и передаст мне заветное послание, но нет, публика, вытаращив глаза, следит за перетасовкой карт в его руках, за быстрыми, неумолимыми движениями кисти по стеклу, что я держу против моего лица.

Я беспрерывно произношу, усиливая голос : <<Я со страстью тебя люблю>>, но на самом верху на меня обрушивается жуткая немота, которая вырывает с корнем мое утверждение - я начинаю заикаться, изменяя до неузнаваемости слова, до их хриплого, безгласного, нервного начала : те те теб тебя бят я тлю те те дно сно я р ле. Иногда в минутных слабостях я забываю о самом главном. Опять проезжая этот широкий вокзал в долине. Малодушие бьет мое переполненное усталостью тело. Впереди еще что-то. Поезда как копошащиеся черви. Любовь не покушается, хотя норовит. В халате я бродил по диковинным закоулкам города там, где стекло срослось с сердцем. Я подумал, что если мы прошли и огонь и воды, то эти медные трубы тем более не будут помехой, но я ошибался и на этот счет тоже. Просто нечего было противопоставить, кроме обвинений, вот поэтому я и был готов страдать, все глуше и пустее. Зачем я торопился навязаться? Может быть, потому что любил?

26.

Понять природу языка. Понять и переосмыслить. На каком языке говорят они, в чьих владениях я - заложник, преследуемый, ненавидимый, незримый, бесполезный? О сколько любви я был бы готов им отдать! Как если бы она была бы продолжением моего тела! Что же решится для нас? Как закончится наша судьба? Неужели так, на неприятном. На посредственном. На вызывающем легкую усмешку, брожение ума, слезы, раздражение слез. О сколько слез! Разных и неповторимых. Слезы - солдаты. Слезы - тени. Горький плач и оптимистический смех в спину и злые усмешки и волчий оскал и неутоленный голод, озираясь на правых и на неподкупных. Левая рука не ведает, что творит правая. Как я мог так низко упасть в их глазах, в их пустых глазах.

Перевернутая степь еле дышит, затем вспаханная - уже более не дышит.

Молчит моя грудь.

Нет места в этом мире.

Нет жилплощади.

Нет кровати.

Нет стула.

Нет стола.

Нет её.

Как в завещании Шекспира : о столах, о стульях, ворвавшихся в комнату в перепачканных гольфах, в кальсонах, в ночной сорочке, бормоча, разглагольствуя, перемальвая жернова, из пустого в порожнее,

Презрение, что окружает корабли. Презрение, которым Клио нас одарила, точно внезапной вспышкой милосердия.

О, как ты радо, Солнце, что я грустный, наконец, что я сломан, что меня перемололо.

И ветер бездыханный в пустых мечется чашах!

Гудит их медь от мощи бесполезной силы.

На их веслах - все мрак, все ночь!

И скучно время лепетанья и храп соседей - все соблазны, улещанья ночи.

Все кажется большим и сумасшедшим.

Кого любил - те не цветут на этой осушенной почве.

Уже не представляется прекрасным ожидание лета.

Все - агрокультура.

О тяжесть перспективы! Круг замкнут. В нем - человек, прекрасный, обнаженный.

А вот отвес : на небе - звездный блеск заброшенных фрегатов.

О, как беспомощно начало человека перед Святыней!

И в этот мир проникнуть, чтобы жить и умереть.

Увы, свершается великое затмение.

Белая луна.

Дикие лошади.

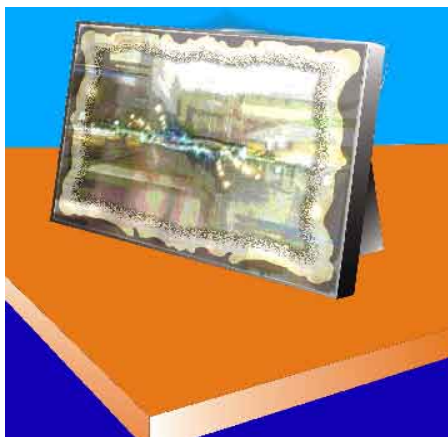
27.

Я у вас дома. Я пишу. Я только что постирал свое белье. У меня ощущение, что я вор в вашем доме, хотя и ничего не соврал. Ветер вытряхивает из ящичков записки и жемчуг. У меня нет денег на телефоне, поэтому нет возможности вам позвонить, чтобы объявить вам войну - из ваших ящичков выпадают градины жемчуга и раскатываются по саднящему зад паркету. В маленькие трещины между половицами закатываются градины и дождь льет со зверской силой за окном. Он раскрывает ставни и, обезумевшая от собственной мощи, влага, точно живая душа, ложится к вам на пол, на ваш паркет. Душа - изменница. Душа, что оставляет на теле следы. Душа - моя лучшая часть. Где ты? Неужели ты ушла? Так, любая живая вещь предстает со временем мертвой. Вещь, в которой мы не сомневались. Вы говорите : <<Жизнь!>>, но что вы под этим подразумеваете? Сегодняшнюю ночь я провел в ночном клубе. <<Обратный стриптиз>> Томоко. Она выходит на сцену голая, а вокруг все визжат как осы. Ее скулы - движение гор. Ее губы - как последний кадр из <> Годара. Красные губы, открытые как у резиновой куклы из того магазина. На ней леопардовое манто, которое она тут же сбрасывает. Я все снимаю в объектив в ракурсе снизу-вверх. Она сбрасывает манто. Франция - страна садо-мазохизма, немного жантильная. Франция - страна садо-мазохизма, немного жантильная. Французы - всегда недовольны. Французы - всегда недовольны. Женщина есть женщина. Женщина есть женщина. Воскресение молодых девушек в цвету, в которое так искренне верили кавалеры. Они, гвардия, хватаются за эполеты, напрасно сиюсь их отодрать. Это как родимые пятна. Франция - страна садо-мазохизма и культуры. Мне кажется, что этой ночью я заразился чумой - теперь только болеть - <<жантильный>>. Чумой, вы понимаете, Cagliari, Camolli, где мы отдыхали тем летом, когда ныряли прямо в море с яхты! Так сам дождь открыл ставни и вошел в вашу квартиру, намочив пол, ведь не приготовить омлет без того, чтобы не разбить голову о сковородку. Деточка, деточка. На работах в райском саду. С молодых ногтей он подвязывает усы роз, чтобы ветер не вырвал. Бездушный Илион. Свирепый, косматый.

28-1

О, животное, как ты не устало врать?! У меня нет больше ничего, чтобы заставить тебя чувствовать. Чувства погибли. Нет более ни вина, ни сигарет, а только последний успокаивающий час, после которого я предлагаю разойтись. Есть и бутылочка <<Шато Мазо>>. Сломанный стальной нож у самой рукоятки, и лезвие вошло в вашу кисть, точно как она в свое время в нее входила, ее как следует затем поранив. Мой друг, я хочу вас спросить : зачем вы живете? Неужели ради праздника искупления?

Июль, сладкая ночь и в одиннадцать вечера все так пусто, как камни обглоданные волной. Вы рады, в конце концов, что оказались с ним в одиночестве, а он вас напоил? Я пишу пьяный, а мысли трезвые, страшные, удушающие. Буду рад на этом закончить манускрипт, вскрыв тем самым ее вены, ее вину. ЕЕЕЫ-ЕЕИУ, не так ли? Полцарства за первые тяжеловесные слова и за коня! Чем отличается верный от безверного, а от бездушного? Чем так знаменит этот человек? Тем, что работал над этой оперой? Тем, что общался еще в те времена с американцами? Тем, что вел курс по русской литературе в Риме? Тем, что повторил трижды <<Это ужасно!>> для французского телешоу, узнав, что у Жана Кокто случился сердечный приступ. Тем, что сказал, что музыкой ничего нельзя выразить? Пойду разогрею ему успокаивающий чай! Он был моим наперсником - и это грустно. <<Тире>> - слишком дамский знак. Хо-хо, беллетристика, петиметр. Я в темноте. Какой насущный беспорядок! Она просто не любит оперу, я это понял. Льет мелкий дождь, но как из ведра. Все - в за правду! С завтрашнего утра гулять с ее собакой и жить пока не сойду с ума.

28-2

А сейчас странный голос - странные голоса - в тишине все кричат о том, что можно и о том, что нельзя, а я везде вынужден юлить, как машинка, как брелок, как запаска. Когда, в конце концов, начнется ваша обещанная жизнь, ради которой я сюда приехал? На этом побережье - одни лишь утопленники, одни лишь изображения, одни лишь голоса, все части идеи, и я гляжу безответно в дальний простор, пытаюсь найти в нем ответ. Ответ и одновременно отчет. Вы издевались надо мной - теперь моя очередь. И, знаете, я буду бессердечен. Мне ничего не жаль. Все сотрется в этой тишине. И не останется более камня, на котором вы строили наш дом. Пусть они смотрят! Краеугольный камень, который откинули строители - все режиссеры вставляют этот фрагмент в центр своего повествования, это как *Erbarme dich* в конце фильма, потому что в тишине им лучше пишется. Они - великие, чужие голоса. Я не знаю более отголосков. Все забыто, Все - песок. Просто <<Аве Мария>>. Просто я оторван от родной почвы. Просто я не знаю и никогда не знал для чего нужны все эти садовые инструменты, которыми вы орудуете будто пером. Будучи писателем и просто несчастливым человеком, я ничего не знал и не умел позаботиться о себе. За сим, точка достигнута, остается только кипячение мысли и брожение ума. Побережье в чересполосицу на богатых и бедных. Бедным, он просто играл музыку, став богатым и подумав о душе, он стал играть бедную музыку и бедная музыка была ни чище прежней. Кто бы мог подумать, что я заговорю о чистоте, милый друг - смешно! Я не намерен держать более ничего у виска кроме чеки. Понимаете, став богатым - променял бедность! Каким образом, способен выделиться этот человек, если более ничего человеческого в нем не осталось? Кто он такой, претворяясь сложным, пытаюсь продать свой безликость, словно товар - танцует? Облака середины. Путь жизнь преграждена волчицей - я буду о ней и о такой вспоминать, в будущей, сиюминутной фрустрации, в бездне, в бесконечности, в тишине. Как я любил тебя! Все страницы мира не способны вместить эту любовь, которая, единственная, чувство, которая единственная клокочущая тишина, Арагва, Терек!

Незнакомые реки, всю воду вашу изольет морозящий дождь, как протекающий кран, в тишине, в изливающей свои недра нектар тишины. Где ты теперь, та, с которой я так и не успел ничего начать? Упав, я навсегда замолчал, как уже не могущий вымолвить ни звука. Зачем так притягательны бездны, красивее страсти, чище слов? Зачем я горю? Кто этот силуэт?

29.

Жалкий макабр ический разговор. Один не ловкий шаг и я готов взорваться. Сегодня непрерывный дождь и слабость. Ко мне заходили две прекрасные итальянки - Катарина и Мария-Елена - интересовались моим фильмом. Я даже не смог подняться с постели, чтобы им открыть. Мне так ужасно. Их красивые, молодые лица в этом саду воспоминаний, где я бесконечно слушаю Баха. У меня кружится голова и едет крыша. Такова странность, что закрытую дверь здесь более не открыть, что опустившуюся на дно колодца птицу здесь более не потревожить. Я провожу все дни в постели. В одиночестве. Это прекрасные майские дни жизни, что же будет потом? На глубине моего дома, на дне моего отчаяния, на волне моего волнения. У нее маслянистые глаза, кажется, когда она пристально смотрит на меня, я чувствую масло. Более меня ничего в ней не интересует. Только чувствовать масло. Все-таки Юдина совсем другая. Тут я чувствую масло. Масло - это нечто благородное, что, сгорая, обращает слова в образы. В саду каждая дверь - синтаксис. За его пределами - все так вынуждает на метонимию, на нечто большее, на кого-то еще.

30-1

Я как помешанный рыл землю ногами и пальцами. Наверное, не спал уже многие годы. Мое тело - нервы. Страшные, перепутанные. Я захлебывался в слезах, утопал в боли. Черви на дне маленькой души. День был покрыт пеленою, и сквозь высокое решетчатое окно я смотрю на двор, на крыши гаражей, на маленькие красные печные трубы, слушая пение, которое преворачивает внутри землю. Этой ночью я поставил себе цель - выспаться. Моя первая цель в жизни за несколько месяцев.

Надежда проще и доступней,

Чем многое в груди,

Пусть на созвездие проблем -

Не будет утра, все впереди :

Где мы находимся, там были странных слов переплетенья -

В глазах беззвучный день

И нетерпенье так разжигает свет...

Куда идти в волшебном ослеплении?

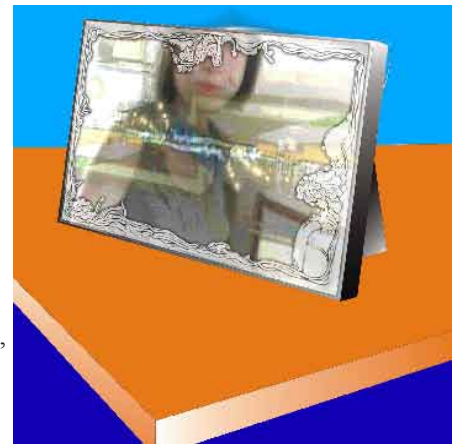
Откуда мука крошит и снедает

И ноги сводит по воде холодной,

Как не сводило никогда дотолле.

Такая яма - я провалился в грудь свою

И не достану дна в этой глубокой, ледяной бареме.

30-2

Именно этой ночью в коммуналке никто не спал. Кажется, никто не выходил, но и никто не входил: тяжелая железная штора не поднималась. Я был с Оливье, у которого была причёска карэ как у девушек. У него были осунувшиеся скулы, изборожденное временем лицо. Он много пил и всегда возвращался домой нетрезвый, истеричный. Он матерился по-английски, принимаясь лупить как сумасшедший металлическую штору входа. Мне показалось теперь, что он был еще более несчастным, чем я, только его несчастье стало ему обыкновенным. Он пригласил меня выпить в бар по соседству, где прислуживал арабский мальчишка в грязной тельняшке, который называл меня ∞.

Я бодрствую, сходя с ума. Внутри меня потухают и вновь загораются свечи. Я схожу с ума, как маленький мальчик входя впервые в воду после зимы и руки его дрожат и кожа покрывается пузырями. Если это игра, то я, конечно, уйду под холодную воду и, задержав дыхание, буду сидеть под ней, нем как рыба, добрым взглядом провожая сквозь толщу воды далекое лицо, но только если этому лицу заблагорассудится посмотреть на собственное отражение, расчесывая свои удивительные волосы - красиво убранные золотистые копна, полевые цветочки и мотыльки.

Я умру здесь, в этом месте, от тоски, крыс, сточных вод, от отравы разлитой по воздуху, от шума улиц, соседей, скрипа автомашин, денег. Опять брожу по приевшемуся району, черному, страшному. Люди всех рас маячат в брючинах. Отчего мое сердце влилось в кожу как инъекция, растеклось как пятно, разлетелось, как испуганная стая птиц. Откуда все эти слова, образы? Что за концерт мы сегодня готовим? Где я? Кто я?

По-моему где-то на дне постучали в тот момент, когда я заподозрил ее в измене. Я мучался, внутренне соглашаясь, что на то - моя вина. Как соломенный я медленно шел по одной и той же улице, всякий раз делая круг мимо строящегося моста и прохожих, что как черные птицы бесконечно каркали вокруг на своих тонких цыплячьих шеях. Уж не с самим ветром она в сговоре? Мне болезненно давалась каждая строчка, как будто приходилось выдавливать ее из раны. Вот я и был замкнут и немногословен.

Пернатый друг, кого ты предпочитаешь сегодня, переехав сюда за загородку около ресторана, в маленькую комнату на первом этаже, с длинным узким окном на улицу, что горкою проходит мимо. За окнами, за густыми акациями, слышатся крики, только мне не интересно их слушать. Все мысли мои обращены к прошлому, к ошибкам и к собственной подлости. Буря развернулась. Длинный вал. Дым из воды в раковинах света. Твоя улыбка из вежливости, напряженная, ненатуральная.

31-1

Лбом выполнять самую бессмысленную и бесстыдную работу! Прекрасно освоиться в своей норе и никуда не выходить, смотря на остальной мир сквозь тоненькие стеклышки, где-то там на самом кончике начинается прекрасный сад. Нескончаемо думать об этом саду, но все же оставаться на месте, завидуя его диковинным животным и травам. Писать, пока колышется пламя внутри сердца, изливается тонкое чувство отчаяния на всех проходящих через этот сад, сквозь его величественное отсутствие. Этот холодный ветер, очень необычный для конца мая. Я никуда не пойду! Я буду только барахтаться на месте, карабкаясь вперед. Не знаю даже единого слова, которое извергну из себя, из своих внутренностей в следующий миг - это настолько странное биологическое действие, связанное с обменом веществ в организме. Паузы между словами - пули - заставляют меня стонать. Ваша жертва, пули, так полна стараний, как Ян Бостридж, исполняя романсы Шуберта. Темнота очерчивает. Опять кто-то входит, с порога подзывая собаку. Моя теперешняя задача предельно откровенна - приучиться сдавливать себе горло и молчать, как если бы меня заставили произнести эти слова. Подобным образом, я научился изображать дьявола на сцене и ангела в жизни, наоборот вернее: я проживаю в маленькой комнатке в райском саду в маленькой комнатке бесплатно, но в качестве оплаты, выгуливаю собаку дважды в день. Оплата за бездну. Оплата за знакомство с совестью. Подскажите, как попасть в Эдем детям Приама? Сад, где закусывают авокадо и вдыхают розы, топчут гиацинты и, стаскивая с себя одежду, обманывают природу. Дорогие, серебряные слезы. Последние молитвы утренних пастушков с рожками, в меховых сорочках, в высоких шапках. Больные Спидом, моя теперешняя задача предельно проста - научиться произносить правду, а затем ее записать. Но где эта всемогущая природа с ее сухой, сермяжной правдой? Зачем весь этот зимний сезон так жестоко мучает пастушка!

30-2

О, мать, пропусти в Эдем потерянное стадо! О, благородная, вещая дева, открой мне правду человеческого страдания, а с нею ворота в бездну! Город стекла и невежества! С кем я останусь в твоей пустоте? Обезличенный, в толпе разочарований, забыв на сцене свою роль от немоты перед первым и случайным благородством. Ох, эта немецкая выучка! Эти блестящие сапоги, привлекающие подростка. Эта вечность, непоколебимая, как стела правосудия, своими чреслами прижавшая к утренней траве человечество, мокрое от росы и недостатков. Какие идеалы защищать более, если достаточно дважды в день выводить собаку? За что я здесь, я спрашиваю? Почему так тускло блестят красивые глаза? Я еще не успел тебя полюбить, как все уже закончилось, и дальше последовала тишина, так напугавшая меня, так больно ударившая в грудь. Топор, всаженный по ошибке в дверь, что билась и кричала как живая, и лил дождь. Я не имел ни малейшего представления, когда это могло бы закончиться и освободить меня от тюрьмы. Я боялся этой тюрьмы. Этого врученного за безрассудство элизима теней. Что может быть дальше, чем корабль в море, чем рожденный человек, чем жизнь эвкалипта, что может дальше оповещать меня о Твоем присутствии во мне, как будто тот сосуд, который мы изучали в школе, прикрепленный к другому сосуду, с которым он делит свою красную жидкость? Где Ты, если я настолько не знаю, где я, извиваясь как червь от красивой музыки и вина, от ощущения горькой победы и еще горшкого проигрыша? Удача была так рядом, что в висках я ощущал ее нечеловеческое дыхание, такое острое, что я готов был упасть в обморок, и, наверняка бы, упал, если добрые силы не поддержали меня и не увели, туда, где останавливается скорость и более ничего не существует, только тишина, только неблагополучие, только неподвижность.

32.

Теперь прошли годы с тех пор, как в спину всадили топор, но я по-прежнему ничего не понимал. Я внимал природе, думая, что я живая обезьяна. Этих слов было достаточно, чтобы жить, но их было слишком немного, чтобы умереть, так как смерть предполагала другое, другое величие, другую ипостась. Я ничего не знал о смерти. Я и не думал претендовать на какое-либо знание о ней, если бы не та любовь, которая как нежданная гостья явилась в мой глубокий дом и навсегда его опустошила, возвеличив. Эти слова - подделка того опустошения, глупость, сущий пустяк. Дом, оставшийся пустовать, зарос травой, и в этой стране дремучих трав я был как потерянный ребенок, грустный и одинокий. О, чувство невинности, дай обратно свой сок в еще детское тело! Какая ошибка взирать на себя с этой высоты! Как можно так глубоко ошибаться?! Думая о своих божественных чертах, я слишком извел Херувима. Его послание - мои извинения. Прости меня, Ангел, я не знаю, что делаю. Как вычеркнуть теперь из постулатов свершенного черную брань, очистить музыку от пятен крови? Зачем все продолжается? В чем этот нечеловеческий смысл? Выпить стаканчик для вдохновения? На этом все закончится. На этом ваша музыка кристаллизуется и причинит вам боль, поскольку боль - ваша жизнь - бескорыстная увертка и обман. Надеюсь, даже они будут в состоянии услышать вашу музыку. Вашу, теперь бесцветную от гнева, музыку!

33-1

По сути, человеческая жизнь, закутанная в красную как кровь шаль - это музыка, причиняющая страдание, вызванная сюда из самой бездны одиночества, некрасивой, злой. Вчера я пил белое вино, три бутылки. Вчера я вызвал в доме короткое замыкание. У всех соседей погас свет. Я вошел в дом мадам Фишер, владелицы сада и дома, чтобы исправить случившееся. Я знал, что она там, разложенная на своем кресле перед фильмом с Марлен Дитрих. Белый ангел, я вошел туда, извиняясь за позднее вторжение. Не знаю, услышала ли она меня, так как ей, наверное, причиняло боль что-либо слышать. Она только смотрела. Я пошевелил кнопками на панели. Все зажглось вновь из темноты ощущений. Свет показался далеким и божественным, но секунда, проведенная перед его ликом, оказалась короче времени, шире пространства - эта была долгая пауза величия перед Создателем - ощущение крови на устах от того, чтобы оболочка губ была словно стянута. Кровавыми губами я попытался приблизиться к тому, что имел в прошлом, к тому, что меня заставляло чувствовать и содрогаться в конвульсиях - это незванное, безответное чувство - чувство плода готового родиться - плоти раскрываемой неведомой силою.

Перед осветившимся мраком я остался стоять в эту жизнь, войдя в нее как дикая лошадь, безумным галопом со дна глаз, скоростью преломления луча в пространстве - зажегся свет, как хрусталь, как огромный дом восемнадцатого века, как сердце.

33-2

Тут же все потухло. Затхлый воздух старости. Лицо Марлен Дитрих. Комоды с манускриптами. Тяжелые бархатные занавески. Вогнутые зеркала. < > Вытянутый пуп, из которого лопнул плод. Кровавыми губами я попытался что-либо ответить. Это было так странно - родиться - вдруг оказаться в темноте, после того, как минуешь вечность. Это такое страдание - человеческая жизнь, пойманная как муха в темноте неведомой ловушкой. Это как перевернутый бубен, издающий свой жалобный звук. Я провалился в холодные графы расписания. Время - это платформа, на которой дежурят ночные охранники. Время - r'ev'elation et an'eantissement. Далекие, далекие очертания владений и роскошные перчатки девы, сжимающие женской рукою мое горло. Слезы сирены. Взгляда, который заставляет каменеть. Жизнь - это этот взгляд, заставляющий каменеть. Конечно, Он создал нас, потому что любил смотреть, но любил смотреть, потому что любил. Без любви в этом затхлом пространстве старости остается только старость, грустная как секунда времени и быстрая как лань.

Старость истории, ее механизмов, войск, оружий, усилий, приборов, отчетов, травм и атак. Война - старость человека. Война - время, время усилий и потребности. Война - погружение во мрак. Мрак раздора и просто мрак. Голые пустые деревья и розы. Tenez votre ro'esie, imbecile! Она упорным движением заставила свое тело приподняться, а далее - встать и на ощупь последовать на кухню, где находилась панель и счетчик. Она включила заново кнопку и свет зажегся. Свет!

33-3

Свет, но более не было ничего, чтобы было бы возможным осветить! Все был мрак, потому что, если хотите, жизнь взяла свое потому что жизнь отыгралась - она смыла красоту, потому что красота была временем жизни, а после было слишком поздно, поскольку мы еще мыслили в категориях <<поздно>> и <<рано>>, потому что мы еще делили на <<начало>> и на <<конец>>, потому что жизнь была еще слишком живой, слишком детской, чтобы быть такой старой! Ей было необходимо быть такой детской! Оно так и продолжилось или имело наглость продолжиться - от своего начала к своему концу и оба были своими в доску, поскольку это была моя жизнь - праздник искупления. От купели, от ее воды, до земли, ее досок. Под две страшные музыки, которые, как глаз, смотрят и орудуют, потому что все - праздник любви, а любовь - это прощение и то, что позволяет простить время - так как времени не существует, как и не существовало бы и греха, если бы всю жизнь, он не смотрел себе на пуп. Так для чего же мы живем, мадам Фишер? Для красивых слов? Для мадригалов? Но почему я смотрю? Потому что люблю смотреть? Почему люблю смотреть? Потому что люблю, а, полюбив, я нахожу это красивым и никто не вправе запретить мне красоту : я приду среди ночи на это место и я буду ее смотреть, потому что у красоты - нет владельца, потому что с красоты невозможно получить пошлину; красота - свет, который продержался ту секунду, вынудившую меня родиться; красота - тот мрак, который настал затем; красота - пуповина, исходящая от матери к чаду; красота - это когда кружится голова в чаду жизни, как темнота, окружившей, и, когда вдруг ты видишь снова свет, потому что только ради света имеет смысл жить, иначе все было бы ложью, и ложь была бы бесконечна, потому что не имела бы сил закончиться!

34-1

С утра кафе на городской окраине, почти сельского вида. Здесь уже пьют! Тяжелые, густые лица, ноздреватые, запущенные как это случается с землей. Да, эти люди близки к земле, к змеям! У меня почему-то ощущение, что все они - убийцы, вышедшие из тюрьмы после долгих лет заточения. Теперь они пьют с утра розовое вино, разливное пиво, красное вино, пиво в бутылках, белое вино, белое пиво с добавлением красного хмеля! Понимаете, белое и красное! Красное как у Босха. Белое как нагретый до каления металл. Искусство быть алкоголиком - в ожидании последнего стакана, вернее предпоследнего, но думая о последнем. Важно знать - последний стакан, такой же как и первый. Стакан, с которого начинается круг змеи. Проглотить ужей. Avaler les couleuvres. Girone dantesco. Продвижения по тишине. Внутри земли, в глубины <<дома>>, домашнего очага. Скорость освобождения. Скорость терпения. Открытия бездны в собственном неосмысленном действии. Действие в значении <<деяние>>. <<Деяние>> - <<акт>>. Акт двусмысленности. Акт противоречия. Речь противника в себе. Собственная ипостась. Одно из лиц. Одно из промелькнувших, случайных лиц. В темноте безверия. В темноте шагов и булькающей воды под ногами. Это успокоение.

Это движение.

Это личинка движения.

Это ракушка.

В среде, которая не потребляет и не курит.

Тяжелые песчинки разума.

Эгоистичная среда, которая не потребляет, но любит себя - как кусок плоти, торжественна как одиночество, неповторима как танец, как, вторгнувшийся сюда, в этот бар, индус тщетно пытающийся продать розы - это ужасно, это трагично.

60-е - я не имею ничего против!

34-2

Я не стою <<за>> - это понятно, но никто в моей ситуации не стоит <<за>>, ведь это не имеет никакого смысла, одно отчаяние смысла, окружившего меня как подозреваемые в чем-то дурном знакомые.

Мне больно от их интриг, от их переживаний, от их дурной веры, от их политики, от их мыслей.

Кто я здесь в этой ночной атмосфере бара?

Хоппер?

Это красивый образ под крики и смех.

На чем основаны ваши крики и ваш смех, неужели на вашей вере, деспотичной и слепой, служащей как оправдание за дурные поступки?

Как увлекателен процесс танца!

Это язык без суставов и букв!

Гордыня стиха,

Его упругий материал,

Его наречие, его формы.

Памятник - состояние!

Люди, чье забвение более черное, чем их эгоизм.

Любовь и взгляд со одного дна в другое!

Танец - все примитивно, что может войти в него в виду неуклюжести, стыда, объема.

Танец под заговорческие нашептывания и дипломатический кашель.

Танец Мари Вигман, Грег Палуки, Луи Фуллер, Айседоры Дункан и Андрея Белого.

Зачеркнуто Хулиган, написано - ангел.

Херувим за плечами.

Херувим берет в нас свой увлекательный спасающий ритм.

Скрывающий душу за тихими страницами, властитель моего воображения, что вы делаете со мной?

Я подчинен вашей строгой дисциплине.

Шнитке : Concerto Grosso, зачем?

Я пойду в ночь, в которой темнота скроет стыд падежей моей речи.

Король - голый!

Король - безоружный!

Кто такой король в этом королевстве без уставленной конституционной монархии?

Король танцует!

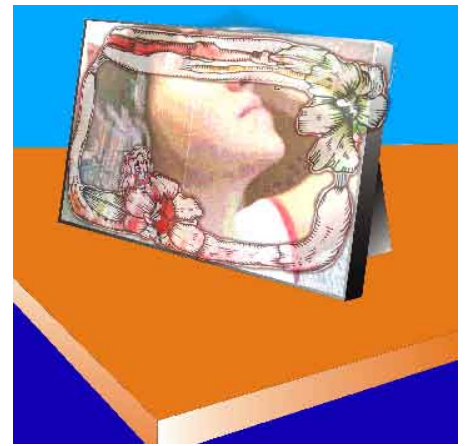
Этим все оправдывается : и отречение и перезрелое отрочество и отравы, влитая в ухо.

Любой бар встреченный мной той ночью был моим королевством, в каждом я сорил деньгами, ведь на что мне сухие листья в конверте, на которые так падки художники и строители храмов. Собственное насилие. Любой бар отвечал мне согласием, и я не знал, чего здесь было больше - любви или покорности перед первыми русскими космонавтами.

35-1

Соседка спросила меня, что за книгу я пишу. Сейчас я вам все расскажу по порядку. Pars i toto, но теперь ночью я не смогу спать. В темноте, устав до предела возможностей усталости человека, изнеможенный перед мутной резьбой на потолке, я выпрастываю руку, в которую тотчас попадается муха. В темноте я оглушен жужжанием. Ничего кроме жужжания и страшного отчаяния. Я совершаю случайный жест, по сути, защищаясь от того, чего невозможно защититься и в мою руку попадается муха. В гневе и в страхе - исконных чувствах человека - в темноте сообщества - в просьбах об усталости, в просьбах нагого тела - я судорожно бросаюсь хватать цепкими руками воздух, всегда целыми пригоршнями вылавливая пролетающих чудовищ. Откуда здесь столько мух в моей маленькой комнате? С шевелящимися в беспорядке лапками, хвостиками, глазами как у Аргуса. <<Я муху безумно любил!>> - Чикатило. Одно только это страшное имя погружает меня глубже в шахты болезни. Кажется, мысли были такими скользкими, что я не выдержал и упал прямо в грязь, прямо в темноту с вершины сосны, цепляясь за ветки, которые были сплошь покрыты мухами, почесавшими своими лапками от безделья, ибо праздность рождает неуверенность. Подобными сновидениями больного создаются бессмысленные образы. Вот о чем я пишу, проваливаясь сам того не подозревая.

Я мечтаю и в мечте осуществляет смерть, ибо живое обретает в ней утраченное счастье! Я надеюсь и не перестаю надеяться на прощение, ибо рефлексом я вынюхиваю в ночном воздухе огарки счастья. Кто он, Герастрат, обрешивший себя на подобную знаменитость? Зачем вы вынуждали его так беспринципно надевать крылья? Это была ваша проекция на него. Ваш прекрасный и неосуществленный идеал, которым вы любили красоваться. Что же пусть его смерть будет вашим счастьем, так ваша жизнь превратилось в проклятие! Невозможно ожидать всего этого от одного человека! Смерть героя или жизнь подлеца? Одиночество и мухи. Дорогие мухи, я спросил у лепестков, о судьбе моей возлюбленной, я попытался узнать у звезд, затем я навел справки у ручейка, но внятного ответа так и не последовало, мухи, позвольте обратиться к вам, вы, которые всюду летаете и собираете мельчайшие песчинки, скажите, что известно вам, скажите, но не утаивайте правды!

35-2

О, мухи, доставляющие мне столько страдания в беспроглядности ночи, мне в нечестивых позах в сладкие минуты телесного удовольствия! Это был прескверный этюд о Карпаччо. Мухи, вы, которые всюду, вы знаете наши слабости и величие! Вы должны мне указать на местоположение моей возлюбленной, ибо в моем желании положить голову ей на колени есть теперь что-то нездоровое, противоестественное. *Nolwenn, quelle dr^ole de chemin il m'a fallu prendre pour aller jusqu'a toi!* Я знаю, что тот, который жил - хранит молчание, а тот кто говорит - тот не жил, я говорю и это похоже на какой-то круговорот из слов и мух : неправда так возвеличивает память, ее облагораживая, подобно старику, рассказывающему сотый раз одну и ту же историю, не замечая, как в него вглядываются внимательно слушатели, знающие заведомо развязку - вот вам готовый роман! А теперь прочь!! Я попытаюсь на ощупь определить, где она! Дни так протяженны, так обыденны - так разителен их конец. Очаровывающий и свирепый, дикий как животное, нежный, как любовник.

Конец наших дней, проведенных вместе под широкими кронами дубов и вязов. Тех парков уже больше. Я изведываю их ускользнувшую тишину и оставшийся непрожитым трепет деревьев, сохраненных в моей памяти очарованием смерти и величием ее больших глаз!

36.

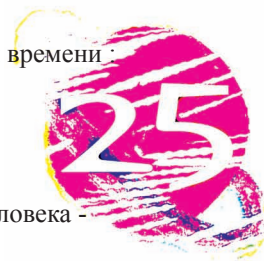
Сегодня я узнал, что мой лучший друг болен Спидом, болен уже долгие годы! Вернее я знал это уже и раньше, но только мне казалось это дурацким вымыслом, злой игрой. Выходит, что это самая жестокая правда в бессмысленной чепухе, которую мы так старались преподнести, точно изящную вещицу, кунштюк природы, препирание смысла и логики, волшебство! Зачем я не умер в ту минуту, когда понял, что предал и что постарел! Теперь, когда мыслю - все иначе : другая вода, другие деревья - другая природа - все мой взгляд, о чужой, о злой, о непостоянный; взгляд клокочущий как неизведанное, как онемевшее во мне, словно инородное тело, вонзающее свои окаменелые когти мне за пазуху. Теперь, когда ранен - обречен на сострадание. Великое чувство к другому в тишине и кашле проклятой минуты! Что я говорю - условности без смысла : я с гордостью и содроганием произнесу миру : <<Да, он болен, но чем не болен ты, о Мир, ужасный, ужасный, как минута сторания?!>> Формы безбрежности - формы разлуки с жизнью - те формы, к которым как собака бежит любой артист, ибо в огне начинается настоящее учение...

37.

грозящее раствориться предопределение вечера
манящий зов огней в пасте зверя -
скитание огней
то, что есть худшего в этом шадящем чувстве -
проникновенное молчание
бестелесное, немое.
все прочее - забыто и стерто.
где теперь огни прошедшего?
что в их краткосрочности так было красноречиво произнесено?
неправда?
память об пылающих обертках
велеречиво распахивает ставни объятые огнем дома...

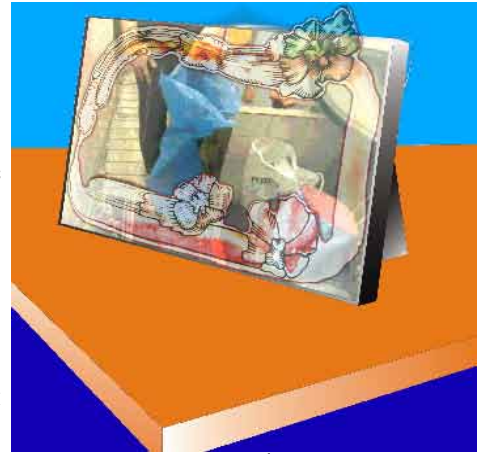
38.

его взгляд скользит по двусмысленности,
его взгляд оголен.
он рассматривает неслучившееся,
как обглодки литературы.
на обочинах большого пути -
маленькие цитаты
и черные камни преткновения,
с которыми приходится считаться тем,
кому не спится этой ночью.
его взгляд парализовано рассеян -
это бросающее вызов лицо молодости,
ее странные неровные черты,
как тронутые дрожащей бритвой сумасшедшего человека.
его взгляд пок'орен и аскетичен :
он не требует к себе внимания.
не сожаления!
он самодостаточен в этом течении времени :
неслучившееся и уже прожитое,
слитое в единую форму -
странное выражение лица -
напряженного, удивительного
лица случайно встретившегося человека -
любого, любого.

39.

Милая ласточка, сейчас успокоившись в кресле, воображаемом, впрочем, я прошу небо - взлететь и очутиться там, в той стране, к которой устремлены все мои желания и чувства - России моего детства. Милая ласточка, потом будет поздно, потом я стану несчастным. Милая ласточка, слезы. Милая ласточка, слеза по моим щекам пусть останутся нестертыми - это года, которые теперь нас разлучают, которые свирепо напоминают о плющах, что обрамляли оплывшее окно из детства, из лепетания, из тишины, из чепухи, из безобразий. Теперь одинокий в этом ощущении - я напротив величия, напротив иллюзорного ощущения самодостаточности, напротив алкоголизма, напротив уходящего стекла пробегающего в стекле поезда, безвозвратно расходящегося с моим - случайно встретившиеся - случайно разлученные - оставшиеся в друг друга как напоминание как боль как потеря как святыня. Милая ласточка, сколько слов, а я так и не знаю единого слово.. Чем же оно продиктовано?

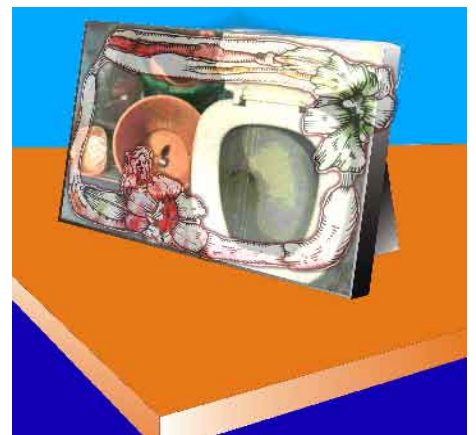

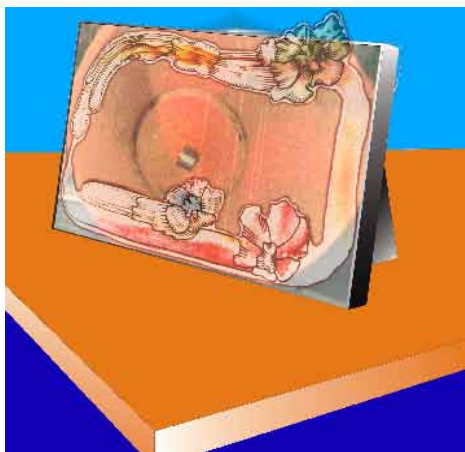
Какой незримой строгой силой, безупречной волей, представлением? Все - строго. Все - изящно в этой фантазии, в этом восемнадцатом веке сна. В Тень, в Шадране, в Петергофе париков, в нарумяненных эфебах, что изображают малечо, здесь нет слов, в этом поднимающемся из края в край - малечо. Конечно, я ничего не забуду - я не смею забыть. Твои черты - это огонь моего сердца, это плачущее во мне благородство, ибо я низок от рождения. В тебе я узнал ренессанс. Есть только он. Этот жалобный, вопросительный огонек из одного края в край другой, в собачий холод разлуки. Отточия отороченных воротников и мягкие зубья меха, касающиеся моих холодных ран.

40.

Божественная, неземная сущность нашего величия, устремленного туда, где смыкаются глаза, где больше нет деления, где не существует преграды. Грусть человека по идеалу. Движения его души, как инструмента в руках одаренного ваятеля. Есть что-то незаменимое внутри нас - то, что мы не можем разменять при всей совокупности нашего дурного начала. Врата, от которых начинается новое опытное измерение - маршрут души в потемках времени и ночных садов. Ее шадящее спокойствие, ее кроткое согласие принять свой трагичный жребий искупления. Утопленник внутри кошмара обычной и безысходной, как косящий бег оленя, минуты. Дно прощения. Дно минутной славы. Дно метаморфозы дьявола в настоящего дьявола, ангела в настоящего ангела. И опять спокойствие, на котором прерывается дыхание и корни прорастают сквозь недра земли, чтобы раскрыть свой блаженный приют над пустотой полномочий времени. Жаркое солнце, его душа. Жалкая луна, как шаг обратно в болезнь <<просыпаться>> каждое утро для онемевших в распутье жары и достатка губительного, пораженного милдью зерна. Хлеб сумасшествия и богатства. К чему этим желтым соснам доживать в приличии свой век? Не существует более приличия. Все служит и все становится - в этом основа коллектива, как организма, воспитанного на благодетельном симбиозе зла, ведь изо рта в рот эти птицы божьи питают друг друга. И огонь имеет право пылать, покуда боль - стрекот светлячков - озвучивает ночь. Светящиеся черви, куда более копошиться? Любовь, как яд покорения вершины, впитывается в мой воспаленный разум. Ему прибыльна болезнь, ее жестокое и никогда не рассасывающееся утешение. О, приди, мой котик, приди, утешь меня, я почешу тебе грудку. Друзья усердных любовников и музыкантов, которые в свой зрелый сезон так любят вас чесать, собаки и коты! Сегодня я наблюдал одного барбоса в метро. Мне не понятно, зачем власти обязали молодых неопытных, необразованных людей, прибывших в большой город из деревни, разгуливать в некрасивых униформах по вестибюлям метрополитена, держа на привязи псов, в намордниках, которые, тем не менее, при всей их скромной свирепости вызывают исключительно жалость и тревогу! Зачем маскарад так удивительно беспринципен в стае людей, возвращающихся с работы? Что им нужно от этих бедных четвероногих бродяг? Какая смехотворная охрана от самих себя! О опьянение защиты! Бесформенное, неудобоваримое, трагичное, человеческое! Спрашивая у ручейков и у населяющих его гадов о судьбе канувшей любви, я подергиваюсь от географии травмы. Цветные стеклышки в витражах судьбы, кто ваш спаситель, ваш сенбернар, ваш искупитель? Мухи на их территории? Собаки на их территории? Кошки на их территории? А я? На какой зеленой планете золотого века? Живопись Филиппо Липпи, Пеппо Чемабуэ и Фра Анжелико? О, Брента человечности! Какой шик! Свой собственный Тень, личный Рой Лихтенштейн! Работа волков - убийство Гонзаго. И, конечно : несколько рекомендаций для богемы - лучше после смерти иметь плохую эпитафию, чем при жизни - дурную славу. Все на круги своя, отец Яков : и злые языки, и пистолеты. Сильно пахнет сигаретами! Так пора закрывать окна, мадам Фишер! От всего человечества, от которого пахнет сигаретами! Теперь же, настало время написать последнее между двух бокалов шампанского, и я позволю себе сказать следующее :

Я вас любил, чего же более. Я вас любил. Сегодня я пошел в дом, который мы делили в прошлом и забрал оттуда мой кинопроектор, проигрыватель, книги, в том числе <> в бумажном переплете, принадлежащие вашему отцу. Придя в этот дом, я долго не мог сообразить, что конкретно я хочу забрать, а когда сообразил, я чуть было не потерял сознание - что это было? - это были - всего лишь : то, что я вам дал безвозмездно, то, что дали безвозмездно мне вы, так благородно и так по-детски - enfantillages - любовь и солнце. Любовь и солнце!

41.

Героический подвиг. В темноте - покой ожидания. Я влюблен как и прежде. Говоря с ним, я не подумал, что пошлость причиняет столь много боли. Где оно благородство и возвышенные радости, которые так требовательно просили капилляры моего сердца? Мое сердце унижено в борьбе с отчаянием. Я слишком много отдал на пустоту обещаний, на бессмысленность, на брожение по пустоте.

Самое время рассказать о моем путешествии. И пусть картины обретут свои истинные краски. Уже с самого начала я задавался вопросом, если оно действительно имело смысл. Все-таки я его предпринял, как очередную попытку избежать действия удушающего газа. Как прекрасны эти слова и как отличны от обычной болтовни. Мне так дороги золотые слова, которыми юность питает нас как обещаниями богатого урожая, как музыкой Вивальди, как ночным океаном. В путешествии я отправлялся с тяжелым сердцем, ведь им пройдено так много развилочек в темноте предрассудков и потерь. Где теперь острова святости? Где то юное и нетленное время, которое мы с наивной горячностью делили между друзьями в нашей колонии на северных островах мечты? На островах смерти? Разбрасывая древние лабиринты, как матросы, совершая странное надругательство над всем святым, что имели счастье иметь... В это путешествия к островам Церцеи, я отправился с горьким предчувствием расплаты. Стефан оплатил его за меня. Я был в холодной нерешительности, но участь моя была мне абсолютно безразлична. С холодным лбом и головокружениями, малодушно, я принимал богиню судьбы в чертоги внутренней пустоты. Как много слов и помыслов! Я мечтал уехать и вырваться из темноты, из жалкой комнаты поэта, кою я, бывало, раньше благословлял в мечтах, была мне противна. Я вспоминаю каменные поручни и початую бутылку вина, куски чеддера и забытый нож с серебряной ручкой. Туда, где поэт мог различить сквозь решетку - кусок ночного небосвода - бывало гнало мое сердце. Теперь сердце тосковало. Любовь была его забытым ножом, что блестел серебром в сырости мглы. Я грезил о небывалом, о несбыточном. Им была любовь птицы к небу. Лани к лесной чащобе. Женщины к своему ребенку. Ведь наша привязанность нам изменяет в тот момент, когда сила духа наиболее сильна в постоянстве просьбы. Я просил судьбу послать меня дальше и дальше, где смыкался горизонт и начиналось другое человечество, незнакомое, младое. Человечество, которое придет на встречу нашему, проваренному как соль. Сколько светлых мыслей я выплеснул в поток волны, в пучину невысказанного в момент, когда наша сердечная привязанность нас оставляет и отплывает открывать Америку. И вот отправился и я...

в город, который меня манил более всего, начиная с времен моего золотого детства. Город, в котором я, наконец, смогу очнуться, прогуливаясь по берегам Красоты. Я помню, как очутившись в нем я думал лишь об одном : скорее чувствовать и жить - писать каждое мгновения, лоя в этой странной впадине в 18 век, в этом величии градостроительства, в этих узких проходах между косыми домами в голубоватой azulejo. Выложенный мелкой брусчаткой, которая прорвет в одночасье любую подошву, а попади, идя по ней под дождь, только чудом не поскользнешься! Лиссабон - город, в котором тяжело ходить. Наверное, поэтому здесь так много странных существ - косоногих, оглядывающихся, переспрашивающих у своих что-то о проходящем мимо чужестранце. И их язык, такой понятный в написании и такой закрытый в произношении, шипящий как селезень, норовящий ущипнуть за мягкое место...

Иначе, чем музыкой о Лиссабоне говорить не имеет смысла. Все иное - это как фотокарточки, как фрустрация. Лиссабон -это Скарлатти. Я никогда не читал Пессоа, потому что всю жизнь собирался его прочесть по-португальски. В Португалии так прекрасен язык и люди, и цвета, и природа. Какие фрукты дарит природа в этом благословенном крае! Мы спим и видим бескрайние просторы морей и слышим аллегро в фа-мажоре Скарлатти : и город становится как бы прозрачный и белизна его стен покоряет потоками света и любви. В Лиссабоне я мечтал влюбиться и утонуть в беспмятном чувстве великолепия. Я спустил все свои деньги на глупости, угощая в барах. Я выпивал за чужой счет. Я пускался в ночные странствия. Я делал вид, что я пишу, а вместо этого - напивался, уставившись на ноги красавицы, как на икону.

Я не мечтал об этих ногах, но вид их мне был так приятен, так очарователен, я думал - это сама Урания пришла разделить мое одиночество. Только как я могу принять Богиню в этой пустоту, в которой обитаю, как в своей детской комнате! Я был как ребенок, боже мой, до чего это стыдно и до чего приятно : лежать на диване в просторной гостиной и весело болтать ногами в воздухе и смеяться и наслаждаться лучами солнца и просить Бога, чтобы он осветил неугою уставшее от труда человечество. О как трогательно, что нужно платить! Ибо вещи - бесплатны, но платно распределение вещей, ибо тот, кто с ним не согласен, вынужден платить. Португалия - это был рай, если бы люди жили стихами, величием и любовью. Иначе красота уходит. Я повторюсь : в двадцать красота - это дар, в 40 - это то, что мы с ней сделали. Я знал, Господин суровый, что жнешь, где не сеешь и собираешь, где не рассыпал.

42.

Если бы вы знали, как облагораживает музыка, как врачует она раны, белые раны, полученные во сне. Каждое утро я просыпался в тумане ночи. В глазах светил невозмутимо огонь кошмара. Это было время кошмара, как случается время потери зрения и упадка духа среди верных солдат. О Греция! О мои мечты! Где юность и утраченное счастье золотых дней? Я помню, как грациозные фигуры в белом медленно и свободно шли по зеленому парку с остроконечными кипарисами. Как я любил красоту их движений! Как не хватало в жизни опыта любви и опыта красоты! Мы, разрушившие Эдем нашим стремление к совершенству, были так несчастны с той минуты пробуждения в этом мире. Сегодня понедельник, ранее утро, я так страдаю.

Тяжелые улицы осветились. Мостовые очистились холодным дождем. Первые жители города вышли совершать свой ежедневный обход. Выносить баки с мусором, покупать хлеб, разносить почту, прогуливать собаку. Вот странный человек с зачесанной налево единственной прядью. Титан с красивыми бирюзовыми глазами.

43-1

Теперь, улыбка, твоя очередь управлять моей мимикой! Сколько я себя знаю, мне всегда казалось это страшной болезнью. Страшным отчаянием - жить этой жизнью. Одной музыкой я заглушаю другую. Сколько упорства надо проявить, чтобы расхлебать эту кашу. Апельсин-найденш. Облако-тучка. Вышло так, что я думал об одном, а делал совершенно иное. Сколько времени я готов потратить, чтобы только говорить, говорить все время о себе. Все время, уставившись в пустоту. Я устроился на работу ночным портье, так как Лиссабон окончательно вывернул наизнанку мой кошелек. Я подумал прекрасно, так я буду посвящать ночи письму.

Так странно мне все это кажется выдумкой, несоответствием. В прохладе тишины, оглядываясь на самого себя. Кажется, дорога была неровной, ибо теперь обоз почти пуст. Что выдернуть из земли расплаты? Я помню, как мы познакомились и какой очаровательной она мне казалась. Я вдруг встретил ее, наверное, подобное случается.

Любовь, когда вдруг человек становится святым. Отчего так прекрасны и задумчивы ее глаза? Что за полнота наполняет их блеск? Мне казалось, ее глаза были маленькими зелеными рыбками. Что иногда на рынке, я видел рыбу у торговцев, и вдруг поражался, когда всматриваясь в одну из них, я замечал их глаза, наполняющие живое сущим. В ее глазах - была полнота правды о мире. Я не знал правды, но интуитивно чувствовал ее присутствия. Она была величественна. Правда отвлеченного от происходящего. Боже, я был готов заплакать одновременно от Солнца и от Луны. Мы провели несколько часов вместе, сидя перед картиной Учелло в Лувре и выйдя, я вдруг посмотрел снова на жизнь вокруг как будто проснувшись наконец-то, как будто покровы Майи действительно приподнялись и вдалеке я различил этот мертвый глаз рыбы, присутствие которого даже сейчас преображало этот <<продукт>> в недавно существовавшее и плавающее в воде творение. Как мне стало жалко жизнь, которая неизменно стремится к своему концу! Как эти избытые истины ошарашивают, когда вдруг, словно кипятком ошпаривают разум! Мне казался таким пустым Париж, как ненавидел этот город, как в сердце мне было его жалко, как мне было жалко Москву... Куда идут все эти люди? Для чего? Я увидел ее глаза - зеленые маленькие рыбки - они вдруг начали плавать в моем внутреннем зоре... Они начали жить в моем сердце. Они своим движением как будто были способны наполнить стихией то, что мне казалось уже давно опустошенным. На ее руках я увидел точно такую же памятку, интуитивно я знал, что нас ожидают совпадения - я слишком сильно верил в Любовь - это был круг Венеры. Он мне объяснил мне больше, чем слова. Теперь я знал, что не страшно умереть, если это Любовь живет. Я думал, мое сердце было пусто и гул пустого помещения был ужасен. Оказывается сердце неутомимо работало, как Данеи страдая. <<Стабат Матер>> Перголези. Его поза была так странна в общем движении битвы. Его конь, поднявшись на дыбы, в бешенстве жевал удила. Кругом - разрезающий черноту лес деревянных копий. И он, в высокой, сложенной гармошкой, бархатной шляпе с серебряным орнаментом. *Obraz di misericordia*. Работа, работа... Он смотрел с нежностью Бога на человечество, которое шло к разрушению сердца, которое тянуло за волосы свою любовь. Холодный ток безжалостно бил сквозь него.

Кажется он был как облако готов излиться в влагу, чтобы утопить в ней безжалостное кровопролитие. Он совершенно не ведал, что его лошадь не умела летать. Он сквозь худшую в мире баталию видел ее нагую красоту. Боже, эта красота заставляла его дрожать. Принять ее как дар - было страшное испытание веры. Испытание святого Антония. Шар, в котором заковано как рыцарь в свои доспехи, меланхолия по этому миру. Что это за божественное составляющее в ее глазах? Я не могу понять. Я не могу отвернуться. Я не могу избежать этой битвы, которая заставляет страдать мое сердце. И кажется весь мир - часть страдания. Дорожные работы по милосердию. Образ милосердия. Творение милосердия, Брейгель старший. *La vie insipide. Il est heureux que l'humain justifie son passage par la beauté*.

Она никогда не смотрела на дорогу, когда ее переходила. Она могла умереть в любую минуту, но она не видела битвы, она не замечала опасности. Ее красота была здесь, что напомнить людям об их высоком предназначении, но люди были упорны в течении времени, их пальцы были в поту, их ярмо стало их миром. Копья заставляли дрожать темноту. Она - битва при Сан-Романо. Теперь я знаю, что могу умереть. Там же был толстенький мальчик, в руках его был волчок. Родители не переставали делать ему замечания. Он надул губки и словно всем на зло крутил своим волчком.

Теперь в отдалении минуты, я присмирел. Мое тело вдруг стало свободным и дух мой воскрес. Я не ожидал, что весна обладает властью такой колоссальной. Жизнь мне казалась страданием. Я проходил взад и вперед волшебные сады, не останавливаясь искушенным не перед каким ароматом.

Аромат свободы был настолько велик, что сердце уже больше не помещалось в груди и я хотел исчезнуть от этого роста, от этой лжи и от бездны, царящей в минуте жизни. Она вдруг как Юнона - богиня юности овладела всем, что имел и не было ничего прекраснее юности. И не было ничего прекраснее ее фигуры в легком платье где-то на глубине моего сна.

44.

Наверное, единственная вещь, которую я могу сейчас переносить - это писать. Мне не с кем поделиться тем, что я ношу в глубине себя. Все оказалось тщетно и минуты как скользкие карпы выскальзывают из моих рук. Вот так распоряжаюсь я своим временем, вынюхивая в пустоте ожидания, собственные слабости и потребности. Как бы я хотел расценивать жизнь с гораздо более хозяйственной, житейской точки зрения! Быть как они, счастливыми и беззаботными в поисках хлеба и стабильности! Зачем глаза так уверенно ведут меня к горизонту, за которым начинается <<новая>> жизнь - любовь, Беатриче? Что я натворил такого, чтобы умереть таким молодым? О боже, как сильна и неправдоподобна моя апатия. Музыка так болезненно напоминает мне о глубине раны. Такая легкость в ее походке. Я всегда был очарован ангелом. И он явился и сладкая боль явления осталась навсегда в памяти.

Странные шорохи как будто кипящая вода. Я вышел на улицу, чтобы протереть глаза. Дорога бесшумно ложилась под ноги. Я шел, прилагая усилие воли, чтобы не потерять сознание. Это одна из самых шумных улиц Парижа. В кафе с настежь открытыми окнами собралась вечерняя молодежь, выпить свою порцию напитков. Сюда приходят люди определенного склада, определенной прически, определенной поступи. Когда-то и я был среди них. Теперь, словно тень, я лишь проскальзываю мимо, чтобы не дай бог не встретить былых знакомцев. Но вот и они, в тот момент, когда я думал, что страх перед случайной встречей уже позади. Я не боялся их увидеть, просто здраво расценил, что одного произнесенного мной слова будет достаточно, чтобы упасть в обморок. Но они уже были здесь и выжидающе посматривали, что же я им скажу. Мне ровно нечего было сказать. Чтобы загладить неловкое молчание и спросил, как прошла их поездка. Они мне рассказали о других моих друзьях, которые работают на телевидении и о том, что они сняли два фильма о перформансах третьего друга в московской галерее. Они же позвали меня выпить водки завтра у них дома в компании Стефана. Я вежливо согласился, зная, что не приду. Я был действительно болен и после кризиса, который мне устроил Стефан, я чувствовал, что не вынесу его присутствия, так же как и мое будет ему мучительно. Кажется, таким образом, жизнь проходила мимо, но как объяснить, что во мне она наоборот бурлила, как кипящая вода, и шпарила. Стефан сказал мне, что по-настоящему модных людей я так и не встретил и что только у ангелов есть крылья, а в конце записок он написал: И так они всегда были предупредительны один по отношению к другому и старательно придали их расставанию видимость временной неизбежности. Но Он пока не хотел. Я вдруг с новой переживал боль потери. Где теперь она? Где как колышек воткнутое счастье былых лет? Я отвечал загадками на их вопросами, да они и не требовали точных ответов, да и таковых не существовало в тишине времени. Удивительно, какую жестокость нес в себе этот человек за маской истинного ценителя нежности. Я всегда думал, что он жил в восемнадцатом веке. В Синтре он рассказывал мне о короле Роз, о парке, который больше не существовал и лишь одинокие магнолии стояли как свидетели былой роскоши. Потом мы фотографировались у отеля Томаса Бернарда с видом на лагуну, а по дороге я ловил каждую тень, малейший шорох как воспоминания о нежных частицах юного солнца. И да, солнце здесь было юно, и любовь, кажется, была разлита как тень высокой и широкой кроны дерева при такой жаре. Эта улица была мне по-настоящему противна. Мне ровно нечего было сказать этой молодежи.

И я промолчал и, вернувшись домой, опять погрузился в воспоминания, которые как щупальца спрута держали мой разум под своим током. О, как было бы приятно навсегда заснуть под этим деревом воображения. Как близко к сердцу я воспринимал текст. О чем нам было говорить, как под руку мы выходили из вокзала в подножии Перуджии. Мир был таким крошечном в ярме нашей любви. Таким святым и прозрачным, как воздух Португалии. Таким волшебным, что я предпочитал плакать от счастья, чем говорить! Увижу ли я тебя снова, моя любовь? Где?

Наверное, смерть делает нас неразлучными и будет ласковым бременем.

45.

Теперь, наверняка, все кончено. Очередной день истек в своей обычной долготе. Я так и не получил никаких новостей.

В дороге я все забывал и слушал музыку или просто смотрел в окно, на пробегающие мимо поля, на крестьян, возвращающихся с работ, в длиннополых соломенных шляпах. Они шли рука об руку и пели грустные песни. Мимо проносились стаи диких журавлей и буковые аллеи и древние храмы. Как я рад был быть в дороге. Я знал, что моя жизнь это что-то совсем иное, что-то предначертанное мне свыше, нечто уготованное. Единственный луч света, который не сдавался, яростно проникал в мой темный омнибус. Я сторонился других пассажиров, их, наверное, не существовало. Пожалуй, только боль на дне моей души была единственным верным двигателем в тишине бесконечного пути. Как я хотел отвлечься и навсегда забыться. Эгоизм бессердечия. Темные проталины в туннеле минуты. Куда следует этот маршрут божественной красоты?

Сколько пробок меня ожидало при въезде в крупные города! И где была она? Та, о которой я не смел более и думать! Я столько вложил в чувство, что знал, что перестарался, как чрезмерно изощренный повар, готовя всякий раз слишком странные блюда... Наверное, я более всего хотел бы слиться с этим лучом и таким образом проникнуть сквозь маленькие круглые окна ее дома, ранним утром, когда она еще нежится в постели, и, нежно оторвав ее из объятий Морфея, целовать ее моими жаркими устами, но как мечта была далека от реальности. Я познакомился с ней 10 дней назад и еще ничего не знал. Да и что можно было знать. Наверное, это был сон, поскольку я всегда находился в дороге и часто спал, покуда в темноте лучи яростно подрывали мои веки. О сны!

46.

Все пороки теперь мои. Да я знаю, когда все ночь напролет размышляю о пирровой победе. Победе, одержанной ценой слишком дорогих усилий. Откройте мне, дверь, если вы по-прежнему продолжаете верить в счастье. Я не знаю, что вы еще продолжаете. Я написал ей ужасное письмо, ночью, на террасе, в Брюсселе, запивая каждую строчку глотком виски. Я чувствовал, как письмо останется без ответа. Я чувствовал, как в пустоту выпадает самые искренние мои чувства. Я просил избавить меня от этого ожидания, но любовь была ожиданием, что же сказать теперь. Любовники, если они так мучаются, то знают отчего, говорил Моцарт. Курить воспрещалось, но это было еще не страшное. Страшным было то, что, выйдя из оперы, где у меня было шикарное место в партере, я не знал, куда пойти переночевать. После всех этих мегер с бриллиантами, их <<хо-хо>> под бокалами шампанского, я не знал, куда податься. На улице было холодно, у меня в кармане было ровно 6 евро. Я купил телефонную карточку и позвонил Маргарите, только не той, о которой я писал ранее в связи с порно-кабинками. Эта была новая Маргарита, про которую Жорж сказал, что она <>, что, в общем, было истинным. Зачем я ей позвонил? Через какое-то время я получить от нее сообщение, что она спит не дома, то есть, грубо говоря, она спит с ним, но что я могу ехать к ней, так как там есть брат, который мне откроет. Честно говоря, я порядком находился по холодным бульварам в понедельник вечером после оперы в бездарной постановки Патриса Шеро <> Моцарта. Что сказать, я был не против, в конечном итоге, пускай спит с кем хочет, и я тоже имел право устать. Итак, метро через весь город. И вот их дом в 3 этажа с садом (это после недавнего страха спать прямо на улице). Брат встречает меня вином, закусками, мы долго рассуждаем об искусстве, о Панофски, о..

Я выпиваю бутылку красного вина, без спроса выкуривая одну за другой его сигареты. Он выглядит довольным - мне не нужно лезть в карман, чтобы обдавать его, словно холодным душем, общими фразами о прекрасном. Человек, как известно, отмечает свое присутствие на земле прекрасным.

Затем я поднимаюсь в комнату Маргариты и сплю на ее кровати, любуясь на удивительно красивую секвойю за окном, остроконечную, как колпак сатаны, приходившим искусить Сергия Радонежского. Stop in the name of love. Ты, страшная сила, неужели ты не знаешь, отчего расцветают цветы и бывает радуга, отчего птицы поют по утрам и тоскуют у ручейка юности, отчего сердце сжимается, когда отправляешься первого сентября в школу и отчего родители принимают по-прежнему нас за детей отчего наша жизнь и без них наполняется смыслом? Ты, страшная сила, неужели ты не знаешь, почему мы не собаки? Et si les amants crient ainsi, ils savent bien pourquoi.

47.

Я уже уезжал подобным образом. Солнце было особенно мягкое, и небо свежее, очищенное морозным воздухом. В прошлый раз я ставил перед собой задачи. Я планировал. Теперь у меня больше нет никаких планов. Кажется, я ее неприятно шокировал своими письмами. Когда поезд уезжает, кажется, музыка замирает и что-то начинается в сердце. Куда движется мое желание замолчать? Какой благородный воздух сегодня! Я писал ей что-то в прошлый раз, руководствуясь страстным желанием слепоты - писал что-то про корабль - чушь, которую стыдно сегодня перечитывать. Я не мог остановиться желать, теперь это меня ужасно раздражает. По-прежнему следы собственной глупости - это как скошенные поля, проносящиеся мимо, с которых собран урожай и стоят где-то по краям скирды. Орагай собственной глупости. Так она не ответила на письма. После я слышал выражение про немного сахара в кофейной ложечке... Наверное, люди этим увлекаются, поскольку им не хватает скромности или силы духа. Две фигуры позади.

48.

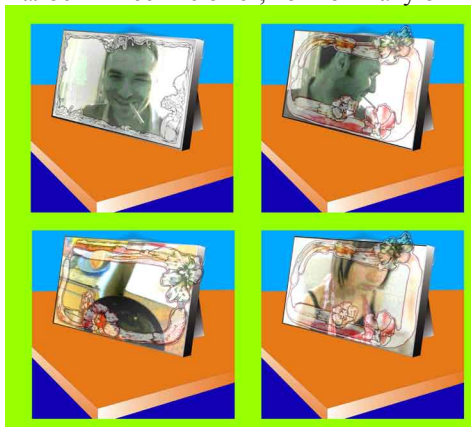
Любовь. Был ли еще другой смысл? Я приехал, потеряв тут же слишком значимое для меня. В целом, все для чего я жил. Потерял и остался. Потерял - успокоился. Потерял и не испугался. Все в жизни со временем становится замечательным, даже то, что внушает страх. В переполненном трамвае мы говорили о <<Карманнике>> Брессона. Я сказал, что еще никогда не видел воровство показанным таким в кино. Воровство слишком сильное и эмпирически важное. Трепещущее воровство, типа *milching malecho*.. Естественно, эта идея воровства бывшая еще важнее, чем все остальное, как будто все остальное - удельный вес времени - существует независимо. Онтология воровства. Он воровал то, что воровать не приходилось. Его руки слишком тонкие, руки пианиста. Иосиф Левин, теперь он стал воровать. И вот я говорил все это. Тишина повторилась. Тишина жеста. Пальцы вора, что пальцы пианиста, начищенные клавиши, пиджаки, внутренние карманы, черные доли, сверкающе белые, атональность-ловкость, один жест чередуется за другим.

Он хватается ловко добычу, точно извлекает ноту. Нота повторяется. Нота - петиция. Нота - жалоба. Нота - чья-то нога. В конечном итоге, я увлекся воровством. Я говорил, вспоминая краски черно-белого фильма. Что замечательно - Брессону удастся создать по-настоящему серый фильм. Ты глядишь в серое и в нем скрывается пространство, неминуемо связанное со временем, которое разворачивается в теплоте крови. Чрезмерное одиночество. Брюссель. Что же такое, каждый раз здесь я с новой уверенностью понимаю, почему Верлен выбрал именно здесь в отеле <> стрелять в Рембо. Рядом с баром <>, в котором старый тип-алкоголик начал вдруг цепляться к Борису, как цепляются к девушке. У типа алкоголически дрожали пальцы. В мутных глазах прокладывали свой путь волокнистые хлопья. Он еле доносил пиво до клиентов - Maes, Oval, Fruit Defendu, Saint-Felicien, Jupiler, вишневым Krieg для дам и другие сорта. Тут известное дело : каждая улица варит свое пиво. Улица Угля, набережная Дров, переулок Рыбы, переход Полений, Московская, Большая Каретная, улица Сербии, Ирландии, Дании, Iaan Сан-Луизы (<<Луизиана>> - местные *champs elys'ees*, разнящиеся от оригинала как краснокочанная капуста с брюссельской)

Если бы ты только знала, как трудно мне преодолеть это Рождество.

49-1

Ночью я посетил спектакль. Вернее меня привели к дверям театра, только я не осознал кто. Меня оставили у входа, и я, наверное, на него не попал бы, если в дверях театра не встретил бы знакомого критика, прославившегося теперь своими статьями. Он был гладок и все в нем лоснилось желанием передать другому свою сущность карпа, словно ей можно было бы заразить, а заражая - наслаждаться. Я точно помню, как поцеловал его сначала в одну щеку, затем - в другую, как он буквально бросил в меня жеманно-нагруженным взглядом. С ним я и пошел. Мы сели в лифт с дверьми из зеленого мрамора с черными крапинами. Дальше, когда мы вышли на нужный этаж, мы наткнулись на толпу явно подобранных сюда общества. Пройдя сквозь паркетный вестибюль, с красиво выгнутыми стульями, такими диковинными, как сошедшими из воображения Виктора Хорты, казалось, лизни их и они еще отдадут вкусом морской волны, мимо зеленых стен, усеянных портретами Всеволода Эмильевича, мы подошли к другой лестнице, которая шла к самой сцене. Вдоль лестницы я видел широкие беспрерывные окна, открывающие вид на большие пространства современных домов со множеством выступов, на каждом из которых стояли в ожидании толпа мальчишек. Мы зашли за кулисы. Запах машинных отделений, который я знал с детства, склянок наполненных тосолом с болтающимися в них без дела ключами, гайками, болтами. Тут же хранились марионетки для представления, все немного бракованные - то маленькие, то безглазые - в бежевых кружевных платьях. Их было множество. Они вместе страшно представлялись и тут, наверное, нужно найти специальные слова, прежде чем их описывать. Видимо, у тех, кто их привез, была цель. Я знал, что у меня был страх смотреть на них ибо, смотря на них, я видел себя : не отойдя, я не мог более ничего сказать, но оторвавшись, я не мог более ничего взвесить. На самом деле сюжета никакого не существовало, как не существовало и спектакля - все это была моя выдумка, поскольку мне нужно было за что-то зацепиться, и оставался только тяжелый выбор передо мной. <<Посмотри, что делают люди твоего возраста>> - советовал мне Стефан, я знал, что это была последняя страница - он мне советовал также работать проституткой после всех этих фраз из Тракля о зловонных больных проказы. Он, вообще, был ненормальный, какой-то укушенный жизнью, он был похож на блудливого пса, вызывающего помимо жалости страшный интерес ибо он знал он очень много того, что не знаем мы. Времени совершенно не хватало, что как-то - самую малость - вести сюжет, хотя бы какую-нибудь бледную перипетию.

Этот спектакль был сфабрикован за какие-то секунды перед представлением. Знаюки говорили, а им был, например, этот критик, что спектакль вбирает в себя всего Шекспира и всего Лопе де Вега и вообще это напоминает чем-то сераль вперемешку с испанским театром. Я знал, что некоторые слова для меня были табу - я их никогда не произносил и так они выходили из меня самостоятельно точно зловонные газы. Как же странно, что нашей цивилизации понадобилось вмещать во что-то единое сераль и испанский театр, да еще и Шекспира, о котором говорят, что его сонеты - это просто пошлятина.

Слава богу, мы как-то вышли из-за кулис в зал, и тут я понял, что многих из той публики не пропустили, вероятно, просеяли. Вспомнил я и об объявлениях в газете об единственном спектакле, привезенном из заграницы, в котором воплотили всего Шекспира, словно можно было его в чем-то воплотить или более сдержать? Не пошлятина ли? Мальчишки, которых отгоняли - пришли теперь посмотреть, ибо на самом деле спектакль был для них - напичкан неприкрытой порнографией от а до я! Мальчишки, что на улице, стояли на выступлениях - на наступках донжонов к театру. От театра к театру - их был маленький ураган. Темница. Гауптвахта. Он был прав, мой друг, это были розы гауптвахты. Розы Ливинг-театра. Тут более нечего добавить. Гомо-эротическое шоу.

Конечно, это было отвратительно, но что не было отвратительным то, что пьяным я заходил в секс-шоп? Укол одиночества - укол в самое сердце, а на счет "miching malecho" и бега оленя - это были лишь чужие слова. Я не смел дожидаться начала слов. Зрители к тому же крайне не многочисленны. Пустые ряды и баста. Между тем, это был огромный зал дворца съездов с широченной пологой сценой, на которой установили <<вертушку>>.

50-1

Шел проливной осенний дождь. Публика расположилась летними столиками из пластмассы красного цвета, незащищенными никакими зонтами.

Я всегда начинал произведение, и я думал гениальное произведение, но на самом деле это было всего лишь письмо, жалкое письмо, в котором я хотел ругать и клясть мой жребий, наверное, даже не столько печальный, сколько безысходный. Как, боже ты мой, утомителен день, проведенный под палящим солнцем или еще хуже на крепком морозе. Собственно, я не ехал обратно в Россию, потому что боялся мостовых, скованных морозом. Они слишком напоминали мне об одиночестве, а это было невыносимо. Я ненавидел одиночество. И я очень любил, только, наверное, предметом моей любви была сама любовь и не было ничего хуже и невыносимее этой истины, так как она была горька, как моменты счастья, которых невозможно было вернуть вспять и на которые я смотрел с сожалением. Вот такое идиотское начало для моего повествования. Дальше, как говорится, больше.

Несколько назад я еще вполне варился в собственном соку, пожиная плоды артистической моды, писал статьи для журналов, размышлял о чем-то, о чем не вспомню, писал и стихи, довольно посредственные, но, впрочем, странные, собственно, их никто не понимал, даже я сам, лишь отчасти, когда их писал. Это неважно - их никто не читал и об этом можно забыть, как об Атлантиде. С другой стороны, - я их писал. В частности такую строку <<Вот и остался ты в своем Париже, опять в мушиной пустоте>>. Скорее всего, это ничего не значащая фраза, все-таки она имеет для меня какое-то, возможно негативное, значение.

В Париже я оказался в 2002 году, приехав на автобусе из Москвы, с трудом выдержав 50 часов пути, которые навсегда врезались в мою память, хотя я предпочел бы их забыть и никогда более не вспоминать. Бедность и нищета. Плакучие ивы в Белоруссии - самое красивое воспоминание. Их ветви изысканные и прощальные. Может быть это дерево - символ самоубийства, символ твердо принятого решения и постепенного освобождения от траура? Они были повсюду на обочинах дорог, разбитых и пустых. Вся страна Белоруссия, казалась, была устремлена взглядом на Польшу, тщась разглядеть, что там дымится в ее тарелках, но это дивная еда более тороватого соседа в реальности была такой бурдой, замаскированной какими-то соусами из арахиса, что к черту

Я оказался в Париже усталым и помятым после трудной дороги, разыскивая в незнакомом городе студенческий хостел, где-то на обочине. Было темно и, собственно, ничего хорошего, ни теплого, ни красивого. Остановилась какая-то машина, человек спросил меня что-то. Я не понял. Затем он сказал : <.. Как не был я далек от правды, все стало ясно по одному только его напору, с которым он подчеркивал эту сумму. В ужасе я не нашелся, что ответить. Хотел сказать что-то грубое, но не знал ничего грубого, мне был 21 год. Я верил в Бога. В отчаянии я отошел. Затем отыскал хостел. В комнате кто-то уже спал. Лег спать и я, наконец-то, найдя после трех ночей сидений - кровать. Спал долго.

На утро с одной некрасивой девушкой мы пошли в пиццерию. Неприятный в обращении хозяин был против того, чтобы продавать нам одну пиццу на двоих. Я купил две. В результате, мы их быстро съели и ушли. Это был Париж, грязный и беспощадный, город, который я никогда не любил, который заставил меня страдать так, что глаза вылезали из орбит от ужаса перед истиной.

Что я увидел в своем путешествии, как ни нищету человеческого духа и одиночество? Я искал любовь, еще понимая, что достаточно было ждать. И она явилась.

Я вернулся в Москву, больной, пролежав три недели в постели, вышел на улицу другого города, который я ненавидел его больше. Встретился с каким-то глупым, как мне потом объяснили, немцем, который позвал меня на дискотеку, где бесплатно выдавали водку. Пьяные все танцевали. Я танцевал с какой-то американкой, которая была мне физически симпатична. Собственно, пьяным вкус страдает, выбор осуществляется по доступности. Она чувствовала, что я не предлагаю игры, это, по всей видимости, вызвало у нее страх. По сути, это боязнь перед серьезным чувством, так как человек боится отдать свое скромное сокровище в руки незнакомца. Я ее оставил в покое.

Я пошел к другу, который работал ночью сторожем в одной конторе, куда приглашал часто целые компании друзей, чтобы провести ночное время в веселости и в дружбе.

И вот мы стояли с ним внизу входной лестницы, когда вдруг вошла девушка, и я почувствовал, что это была она. Вернее, я даже не успел сообразить, что это была она, как стало поздно. Он нас представил странным образом : <<Вот это Стас, который хотел давно с тобой познакомиться>>. Это было истиной, но что это была истина, я понимаю только сейчас, тогда я хотел истины, и, благодаря Богу, она пришла в мою жизнь. Неделю я устраивал так, что неминуемо мы встречались, к слову, всегда в одной и той же компании, нельзя сказать, что мне близкой. Собственно, у меня не была никогда близкой компании, лишь несколько разрозненных друзей. Я никогда не любил коллективов и природа дружбы была для меня тайной совокупной с природой любви. Мне не хотелось любить группы.

Я не умел этого и не чувствовал. Тем не менее мы весело проводили время. Кричали что-то на улицах в опять же нетрезвом состоянии. Пил я всегда много и всегда не любил пить. Мне казалось, что я становился ужасным. По сути же я им был.

51.

Это первая часть моего романа. Теперь - вторая. <<Освобождение>>. Я гулял с одной беременной подругой, дважды уже на моей памяти одновременно беременной и несчастной. Я удивлялся ее стоицизму. О, если бы я мог описать ее стоицизм, я бы был самым счастливым человеком. Давеча я упомянул, что я ненавижу то и се, пятое и десятое, теперь скажу, что моя ненависть смехотворна перед образом ее стоицизма ибо женщина рвется как бумажная без этого стоицизма. Он - воплощение любви. Любовь, конечно, причиняет страдания, но страдания, как известно, злейшие, если она отсутствует. Пустота и <<обожженность>>, пускай будет это бредовое слово на этом месте, без него был бы знак. Путешествие по удовольствию всегда следует за тем, что по работе. В Боливию ли, в Ливию ли. Я знаю, что теперь мне потребуется усилие воли и дай мне Бог его осуществить. Я не могу прекратить мою жизнь как игрушку. Иначе это было невозможно. Весь 2006 год я так страдал. Теперь - дорога и у дороги свой собственный черед и время. Пора перенастроиться на другой лад. Музыка так прекрасна, только пора успокоиться, как сказал бы Бах, если бы ему мешали так. Его музыка - воплощение непреклонности. То что Штроб говорил про Баха и про Шенберга в противовес фразе Стравинского : <<Музыка не может ничего выражать>>. Неверный постулат. Любовь бессмертна!

Теперь откроем двери и убедимся, что за окном по-прежнему - воздух. Это и мне ясно и ему, только дышим ли мы одним воздухом? Чем так полна грудь, когда сердцу так грустно и печаль жирна? Если эстет от тебя отвернулся, то не нужно забывать, что есть еще простой человек. У него есть преимущество, он - проще. Это как Бах. Ведь обращаясь прямо к сердцу - нечего прятать. А она мне предложила игры в <<a la maman et la putain>>?! Достаточно, я уже и так образован, теперь черед сменить палитру на материал куда более строгий, на дисциплину. Пушкин говорил, что на свете нет счастья, но есть покой и воля. Я ему большим трудом ему верю. Если только его гению. Я знал счастье, его, действительно, нет. Мой год - огненный. Что теперь после ада?

Вчера я напился. Помню лежа в постели, пил вино из горла. Рустам мне сказал, что у меня лицо какое-то задроченное. Он прав. Лицо - глубокий колодец чувств. Что мне поражает в Стефане - его страшные зубы. Зачем он их сделал такими? Он, наверное, устал.

Поговорим о чувстве юмора. Вот вчера я посмотрел один порнофильм...

Сегодня, когда шел к Кате, написал такое стихотворение,

которое думал посвятить Маргарите, но не посвятил.

Чуть было не вляпал две <<е>> вместо двух <<я>>.

Это вам об опыте. Конечно, это привычка писать о страшных вещах :

день истек минутный свет потух свежий вечер отгоняет мысли
где я, если не во сне убийцы, провожу тебя до калитки,
ночью в тишине, триумфально словно пограничник...
Я устал, но жизнь еще в стекле воркует
воспоминаниями - мешает мне спать соломинка в зубах, как у ковбоев.

Да я встал сегодня поздно и с похмелья,
Но еще не значит,
Что я спился принципиально,
Что это был мой выбор -
Состояние внутренней грубости
Привело меня к телеге.
Что я бык?
Пусть сверкает ярмо тяжестью
И бросаются в глаза неотесанные ободья.
Я влюблен в мою поклажу
И никогда не любил ее больше,
Чем в миг, когда прощался с ней глазами..
О моя любовь,
Золото так тяжело добывать!

52.

Я не смогу выразить словами внутреннего напряжения, позволившего мне все это написать. Ничего не сделано! Все - позади, хотя дальше тоже есть вечер. Удивительна жизнь юноши! Хочется на коленях умолять время сохранить ее. Однако нет, только глупец доверяет настолько красоте. Да, но что делать, звезды так коротки, кто бы мог это скрывать. Я думаю, однозначно мы будем пасы, об этом нельзя говорить так - краснея, все самое верное открывается в тебе, когда ты трезв, страдаешь и тоскуешь по невозможному. Вот она красота музыки, не иначе. Силы твои на исходе в этот замечательный день, который, казалось бы, только начинает проясняться и небо такое прекрасное зовет в свой поход величия души. Послушай его и остановись : любовь невозможно обмануть. Только задурманенный мозг может изобразить где-то в далеких уголках воображения - ее ситцевое платье, за которое ты купил и за которое ты отдал. Девушка моей мечты - моя душа, где ты? Почему ты оказалась безжалостнее моего сознания. Как я мучаюсь, когда пишу это.

Время

Со струёй воды сравнивается время.

Рыба с человеческим глазом, не пойманная никем – Рыба-Рука

Сосуд с землёй, символ земли, пример для подражания живой жизни.

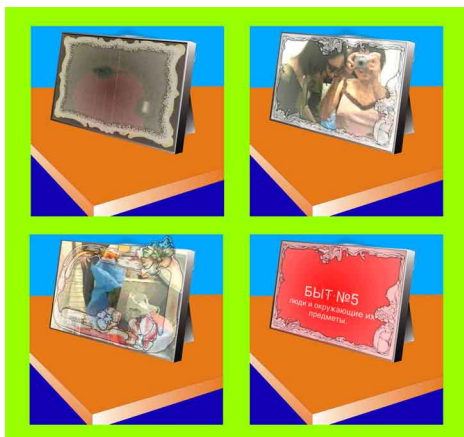
Именно туда и стремится время, а именно вода из крана, в статичный горшок, с предполагаемым цветком.

Возможно, в землю плюнула рыба, или земля проглотила рыбу, или вода – это выжатая воздушная масса, а потом, всё-таки, вырастает цветок и его срезают ножницы.

Ножницы – переплавленный кран от умывальника.

Вторая часть.

1.
Жажда меня искромсала своим недоверием. Почему нужно довести себя до этого состояния, чтобы было о чем говорить? Вчера я был уверен, что ничего не напишу, если только не захочу. Я не хотел, поэтому не писал. Данте мне был не близок, с Игрид Бергманн я никогда не целовался. О чем внушала мне нищета? О том, о чем пел щегол, сидя верхом на подстриженном кустике. Помимо пения птиц доносилась музыка Монтеверди. Я уже давно знал, что в жизни предстоит бороться. У меня было их много. Я о пороках. Я пил. Я курил и интересовался клубничкой. Последнее теперь было больше, а до этого, покуда солнце было еще в зените, было что-то. Попался на удочку старый развратник. Урожай 1934 года.

2.

Наконец то меня записали в гении. До этого я жил обычно, каждым днем. Конечно, я мыслил о таланте и прежде, да куда там. Теперь, когда я стал много есть и пить, заниматься этим <<очарованно>>, меня произвели в их ранг, при этом я ничего не сделал. Вся жизнь человека стоила их ранга. Расскажу по порядку, прежде чем потускнеет. Теперь десять вечера и я совершенно пьян. Выключаю сотовый телефон, чтобы написать страницу-другую болтовни о себе. В салоне обо мне говорили. Наговорили как намусорили. Я пропилил мозги. That is your brain, написала Гала. Мне очень нравилась эта девушка. Она была несоразмерная и отчаянная. Она носила плотные красные джинсы и позолоченные кеды. У нее был фотоаппарат <<Палароид>>, вроде даже не урожай 34 года, скорее 81, ни старая гвардия, с их истериями a-la Фрейд, как Стефан Моро, однако тоже, кажется, потеряла она совершенно голову. Я же плыл, как жил, жил, как плыл, как шелкопряд по ветру, а как только приходила туча, я канючил и все внутри меня скребло. Человеческая любовь, что вино, приятно, когда ты пьян. Затем наступает раскаяние за минуты легкости и слепой веры. Как я не люблю фильмы Маргарит Дюрас, кто бы знал, ставя ее интуитивно между <<Штробом>> и <<Тарковским>>, между <<Атеистами>> и <<Жизнь упала...>>, он изводит напрасно воздух. Нет, я не пойду снимать скульптуры в саду, нет этот сад несмотря ни на что не имеет ничего общего ни с чем прежде сказанным, нет, когда я говорю <<я люблю>>, я не имею в виду Пушкина, нет, не его я люблю. В конце концов, я родился, а значит, я тоже имею право дышать. Для меня все их фильмы, когда я был маленький и смотрел на все в трубочку, были чем-то волшебным и недосыгаемым именно потому, что Селин еще не стал Селином, Жене - Жене, Бродский - Бродским (он, правда, кажется и тогда в него метил). Литература не был той волосатой рукой, которой она вдруг стала. Спасибо вам за цитаты. В конце концов, именно <<голливудское>> кино по-советски мне объяснило, кто такой Бах и почему он велик. Он велик! И затем я это услышал и тут же забыл. Музыка, ее величие в том, чтобы ее слушать, не нужны очки. Она просто есть и, простите меня, но некоторые порнофильмы отдают меньше мылом, чем то, что вы смотрите, писатели. Извините меня, за грязный пасквиль в середине повествования, но если так, я цитирую так много, потому что боюсь сказать правду. Я мечтал о ней в 14 лет и речь еще ни шла о гениталиях, а потом в гостях у друга я увидел порнофильм и навсегда мне вбили в голову, что порнофильм - это <<это>>, но когда нет воздуха, когда человек, в общем, таков, что о нем нельзя говорить стихами Пушкина, за исключением пассажа про <<скрыпача>>. Да человек - это не памятник и ни <<Ромео и Джульетта>> и ни феномен реки Адаж. Человек - проще, когда ему нет ночлега и он приезжает без денег, без родственников и друзей, например, в Верону и при этом он дико устал и ему натерло ногу, он готов истратить, извиняюсь последнее, чтобы поесть по-человечески, конечно, тут ему не везет с меню и несут ему посередине .., на родине самых дивных лазаний, какую-то чепуху с оливковым маслом, он это послушно терпит, а затем вдруг случайно отведая еще чего-то, он заваливается, как это было бы не прискорбно, спать посередине первого попавшегося сквера, шокируя обывателей и порча свой внешний вид, в то время как божественно устроенный Scaligero, взирает со стремнины.

Это к вопросу <<Почему я не слушаю <<Реквием>>, чтобы вдохновиться?>> Так уж устроена жизнь, что тяжело и легко одновременно, что готов проклинать и боготворить тот момент, когда открыл глаза на происходящее, так что в дымке надежды ее формы выглядят куда более желанными, так, что граница между учеником и мастером неуловима, если не проживешь в произведениях страдания, которым мучался создатель при его создании. О неуловимый миг человечества, дай Бог, чтобы, когда тебя поймали, им бы оказалась любовь, иначе...

DIES IRAE

Эти слова я любил писать с тех пор, как выучил два слова по-латыни. Другим выражениями были \diamond и \circ. \diamond я написал одуванчиком на фронтисписе избы, где проводил лето в ранней юности и, когда моя тетка приехала, я выделил эту аббревиатуру специально, только она по приезду совсем не обрадовалась, как провожу я время, расписывая их избы и сказала мне строго : <<Ох, я это не люблю>>. Мой же интерес был суть ни граффити, а словно вопрошание <<вот написал я \diamond, а что ответите вы>> и латынь тут не при чем. Леха Белый научил меня выражению про Катилину, но, повертевшись в голове, оно совершенно выветрилось и осталось только \diamond. Увы.

3.

Сочинить несколько строк и так и оставить, что может желать большего такой незадачливый автор? Я совсем расстроился в жизни и больше ничего не могу. Если раньше чувства были величественны, то теперь их низость вводит меня в депрессию. Уже некоторое время я ничего из себя не представляю, живу, подчиняясь неминуемому закону одиночества, ищу острия в тупости, в лени нахожу волнение, а в еде - бранный покой, про алкоголь я даже говорить не буду, ибо я спиваюсь совсем. Наверное, стоит сделать над собой усилие и работать, только смешно работать без специальности и каких-либо умений. Все кажется чрезмерно обозримым - русский язык и сила воли. В детстве я представлял себя бесконечным, теперь об этом сожалею. Наверное, это единственное мое искреннее сожаление, ибо остальное как-то стало естественным. Детство было многочисленно, теперь судьба как если бы упрямо остановилась и на нее больше не хватает никаких сил. Неизмерима глубина потери! О, тревога, как сердцу больно! Самые грустные минуты наступили. Поздняя юность сравнялась с первой старостью и сединой.

Темные улицы и минуты - все смешалось в сознании того, кто не знал, о чем и подумать. Как жить, когда до смерти оставалась минута? Отчего, раскрыв рот, так зияло небо? Неужели такими плоскими были ее вопрошания? Нет, это не моя судьба, - просил он в ответ, но жалкая глупость была длительней, чем мудрость созерцания и мгновенное решение проблем. Просто наступает момент, когда более не знаешь, куда повернуть фразу, поскольку она становится такой неповоротливой, что отдает тухлой рыбой и грамотой. Вечер закончился на скудном ужине макаронами и мы разлеглись на диване, слушая музыку и суля себе скорые золотые горы, чтобы работать нужна воля, я был безволен, совершая роковую ошибку. Друзья юности, с которыми судьба нас разлучила, подскажите, как выйти из воды сухим.

Если я умер, то далее не нужно просить ни о чем материальном - это выход из сложного положения. Как старую одежду я откладывал в гущину полки самоубийство. Только такую одежду страшно доставать. Кто позарится на лохмотья? Только нищий умеет не спросить в такой ситуации, ибо тот, кто не носит знает. Знание - ноша и порция его неподъемна для незнающего. Сегодня выходя из дома, душевнобольной мальчик не знал, как выбраться из сада, и он спросил меня открыть ему калитку. Выйдя, он попросился покататься на спине. Я ответил : <<Хорошо, но только пять минут, так как у меня важные дела>>. Я был совершенно свободен, везя его на спине. Спустившись, он хлопнул меня, как мула, по животу и я почувствовал, как я хую. Об этом ощущении я мечтал так давно, что забыл об этом желании. Прекрасно увидеть себя недостижимым, ибо в этом влечении минутой, ты пробуешь собственную силу на вес тяжести. Рука должна быть легкой, чтобы чувствовать ветер, только незадачливому тяжеловесу трудно побороть собственный груз. Он готов переть достоянием мышц любую единицу, но ноль всегда будет его сильней, так как в нуле нет правды и дует он всюду, как голос Катлин Ферье. Если бы я видел, что пою, то, наверное, молчал бы, однако я слеп, и дебилный мальчик, как божок, на моей спине настырно тычет мне в лопатки.

Пять минут, пять минут - не знающий свободы простит! Тюрьма - великая штука, и заключенные в ней спят в муках за ошибку. Пусть иголки в матрацах будут соразмерны с их амбициями. О, художники, что за худо вы тут точите?! Самой плохой автор и тот на вершок выше любого Бога. Горе тщеславию! Горе этой костяной плошке, идолу..

Но вот проходимец остановился на пороге нового дома. Надо сказать, он потолстел. Последнее время из его головы вылетели последние цитаты, а новых не появилось. Слава Богу, он помнил еще несколько песен из Вертинского. Вот он их и спел, прося тем самым, чтобы добрые люди открыли свои ставни и поставили на них свечи и восславили Бога.

to be continued...

